

18+

АЛИНА ШТЕЙН
ИЛЛЮЗИЯ
БОГА

Словотворцы магических миров

Алина Штейн

Иллюзия бога

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Штейн А.

Иллюзия бога / А. Штейн — «Издательство АСТ»,
2023 — (Словотворцы магических миров)

ISBN 978-5-17-154549-9

Ариадна отправляется на поиски своего пропавшего парня и неожиданно для себя обнаруживает темную сторону престижного колледжа, расположенного на границе двух миров. Теперь ее окружают воплотившиеся в смертных древнегреческие боги, которые забыли о своем прошлом. Безумные пророчества, твари из параллельной вселенной и мертвая выпускница, обнаруженная после бурной студенческой вечеринки, – такова ее реальность. Но что, если и это – всего лишь иллюзия?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154549-9

© Штейн А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Список главных действующих лиц	6
Часть 1. О крови и магии	7
Часть 2. О цветах и книгах	12
Часть 3. О терактах и кофе	18
Часть 4. О ритуалах и монстрах	23
Часть 5. О заметках и прическах	28
Часть 6. О гранатах и флешках	31
Часть 7. О перестрелках и бывших	36
Часть 8. О смерти и экспериментах	41
Часть 9. О покойниках и звонках	47
Часть 10. О крышах и изменах	53
Часть 11. О волнах и отчаянии	60
Часть 12. О вине и психологах	65
Часть 13. О сестрах и искусстве	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алина Штейн

Иллюзия бога

Маме, Литэ и Александру Македонскому

*У древних греков были боги вина и веселья. А у нас вместо них –
Фрейд, комплекс неполноценности и психоанализ, боязнь громких слов в
любви и склонность к громким словам в политике. Скучная мы порода,
не правда ли?*

Эрих Мария Ремарк «Триумфальная арка»

© Алина Штейн, 2023

© Кудряшова Мария, иллюстрация на обложке, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Список главных действующих лиц

- **АИД** – правитель подземного царства мертвых, бог богатства.
- **АПОЛЛОН** – бог света, покровитель искусств и наук, бог врачевания.
- **АРЕС** – бог войны.
- **АРИАДНА** – критская царевна, позднее – богиня дорог, указывающая путь. Некогда почиталась как Великая мать и богиня луны.
- **АРТЕМИДА** – богиня охоты, покровительница всего живого на Земле, защитница женщин и детей.
- **АФИНА** – богиня мудрости, военной стратегии, знаний, искусств и ремесел. Покровительница городов и государств.
- **АФРОДИТА** – богиня любви и красоты.
- **ГЕКАТА** – богиня мрака, колдовства, лунного света.
- **ГЕРА** – царица богов, богиня семьи и брака.
- **ГЕРМЕС** – вестник олимпийцев, бог счастливого случая, хитрости и красноречия, покровитель путников, воров и торговцев.
- **ГЕСТИЯ** – вечно юная богиня домашнего очага.
- **ГЕФЕСТ** – бог огня и кузнечного ремесла, покровитель изобретателей и строителей.
- **ГИПНОС** – бог сна и сновидений.
- **ДЕМЕТРА** – богиня плодородия, покровительница земледелия.
- **ДИОНИС** – бог вина, производительных сил природы, экстаза, безумия, масок.
- **ЗЕВС** – царь богов, бог неба, грома и молний, ведающий всем миром.
- **КРОНОС** – верховный титан, отец богов-олимпийцев. Персонализация времени (первоначально – бог земледелия).
- **ПЕРСЕФОНА** – правительница подземного царства мертвых, богиня плодородия, весны и цветов.
- **ПОСЕЙДОН** – бог морей, землетрясений и лошадей.
- **СЕМЕЛА** – четвертая дочь мифического основателя Фив Кадма, мать Диониса, которого она зачала от Зевса.
- **ТАНАТОС** – бог смерти.
- **ТЕСЕЙ** – полубог, герой, победивший множество чудовищ и злодеев, позднее стал царем Афин.

Часть 1. О крови и магии

== Осень прошлого года ==

В ночь, когда двери участка захлопнулись, Ари была почти уверена, что все наладится. Произошла ошибка, думала она, стараясь не смотреть на руки со следами чужой крови. И только спустя полчаса до нее дошло: чуда не случится. Коп напротив вяло шелестел бумажками, изредка поглядывая на нее не то насмешливо, не то сочувственно.

– Сотрудничество со следствием...

Тесей даже не оставил записку, подумала она. С другой стороны, что бы изменилось, если бы оставил? Было бы чем подтереть зад в тюремной камере?

По-хорошему, ей следовало бы немедленно впасть в отчаяние. Но Ари злилась. Кажется, она злилась постоянно с тех пор, как научилась самостоятельно принимать решения.

Решение надеть легкое пальто (теперь ее била крупная дрожь).

Решение вернуться в кампус (теперь ее допрашивала университетская полиция).

И решение помочь Тесею. Пожалуй, из-за этого она не просто злилась – ее с головой захлестывала ярость, жуткая и безумная. Если бы Ари могла, она бы вырвала ему сердце. Звучит глупо? Пафосно? Очень. Ну и черт с этим, она не эссе по английской литературе пишет.

– Так что насчет ответов? – Коп демонстративно посмотрел на часы и пригладил усы. – Мы так ведь всю ночь сидеть можем. Мне торопиться некуда.

– Мне тоже, – бросила Ари, и первая произнесенная за ночь фраза будто отрезвила ее. Она сгорбилась. Опустила глаза, всматриваясь в незатейливый узор из плиток, пока его очертания не стали расплываться от слез. Единственный человек, на которого Ари имела право злиться, – наивная девочка, решившая, что ей нужны иллюзия счастья и дофаминовый коктейль. Ее замутило.

«Может, еще не поздно рассказать им все? Может, они найдут Тесея?»

Неожиданно буйный, словно пьяный, хохот взорвался у двери, и Ари поморщилась. Тогда она еще не знала, что он принадлежал человеку с самой сумасшедшей в мире энергетикой, благодаря которой после фразы «пойдем подышим воздухом» можно было оказаться на прогнившем мосту посреди болота за двести миль от города без связи и представления о том, что вообще случилось, а потом до утра пытаться добраться до кампуса по методу «тут где-то должен быть мох, значит, там север, а лучше просто послуняем палец, и куда ветер подует, туда и пойдем».

Тогда этот смех показался ей вульгарным, чуть ли не оскверняющим ее тоску. Сейчас, если честно, он показался бы таким же. Вот только теперь ей все равно хотелось услышать его. Больше, чем что бы то ни было.

– Что, даже наручники не снимете? Любите пожестче, господин полицейский? Тогда что мы тянем кота за причинное место? Я тут не молодею! Давайте поживее...

Коп, которому адресовалась эта экспрессивная тирада, почти швырнул подопечного на стул, плюхнулся напротив и энергично забарабанил по клавиатуре.

– Ладно, можете меня пробить по вашим базам, – милостиво согласился задержанный. – Меня тут все знают, все уважают!

Его поза выражала уверенность в себе, несмотря на изорванную шелковую рубашку и забрызганные грязью брюки. Голубые глаза в обрамлении густых ресниц, прямой нос, взъерошенные волосы... Интересно, с какого он факультета? Почувствовав взгляд Ари, он улыбнулся ей краешком рта.

– Это социологи на меня пожаловались. Маленькие уродцы. Я всего-то им окно разбил, а меня уже скрутили за хулиганство. Представляешь, дарлинг?

Ари не представляла. Она провела дрожащей рукой по мокрому лицу. Теперь к плохо отмытой крови на ладонях прибавились следы размазанной туши.

– Почему ты грустишь, красавица?

Что-то внутри нее дрожало от горя, как натянутая струна, так что она даже не поняла поначалу, что он все еще говорит с ней. Но, улучив момент, когда коп снова полез в папку с ее делом, она шепнула одними губами:

– В тюрьму не хочу, красавец.

Она отвернулась, закрыла глаза, откинулась на спинку жесткого стула, стараясь дышать глубоко и медленно, как учила Гестия. Вдох-выдох. Вдох-выдох. В конце концов, еще рано хоронить себя заживо. У нее еще оставался отец. Они не имеют права отказать ей в звонке. Вот только захочет ли он теперь иметь с ней дело? Она подвела его. Предала. И все ради человека, который без колебаний сдал ее полицейским, лишь бы не рисковать своей шкурой.

На периферии кружащегося сознания слышались звуки внешнего мира. Коп напротив шептался о чем-то с коллегой, потом Ари услышала лучащийся самодовольством голос задержанного. Она окончательно пришла в себя, только когда с нее начали снимать наручники.

– Что?.. – Она дернулась и попыталась размять затекшие запястья. Коп наблюдал за ней с лицом человека, обнаружившего дохлую мышь в холодильнике.

– Уверен, Дионис? За скидку на товар мог бы и кого получше вытащить. Сам ведь все понимаешь.

– Уверен, – кивнул он, и голос его внезапно переменялся, став чрезвычайно спокойным. – Я знал, что мы решим все мирным путем, господин полицейский. Приятно иметь с вами дело. Это же моя давняя подруга... Э... Как тебя зовут, дарлинг?

– Ариадна. – Неожиданно она поняла, что звук собственного полного имени теперь раздражал. Тесей так часто говорил, что это самое красивое имя на свете... Она добавила: – Но лучше Ари.

– Моя давняя подруга Ари. Мы с детства жили по соседству на зеленом Западном побережье. Ну, знаете, эти строгие родители с их фондовыми биржами, и у нас не было никого, кроме друг друга, да еще кухарки, лепившей нам булочки с корицей. До сих пор с теплотой в сердце вспоминаю наши игры в...

– В прятки, – подсказала Ари. Господи, надо же с таким серьезным лицом нести такую чушь! У парня талант.

– Точно. В прятки. Спасибо, что помогаете воссоединению наших родственных душ, господа полицейские. Не забуду вашу доброту до конца дней своих, ибо, как излагал Аристофан в диалоге Платона...

Ари неслышно попятилась к выходу, на ходу застегивая пуговицы. Она все еще не верила в неожиданное спасение. «Волшебства не бывает», – думала она тогда. Если бы в ту ночь она знала о магии то, что знала теперь, ей бы и в голову не пришли такие мысли. Это сейчас Ари понимала, что магия существует. Она дает крылья, но она же может уничтожить тебя. За нее приходится очень дорого платить, и Ари не хотела дожидаться, когда у нее потребуют расплату.

Но, как бы она ни торопилась, тот, кого называли Дионисом, успел материализоваться рядом.

Вокруг них стыла ночь. Ветер тихо подвывал, мчась по крышам и шпилям университетского городка.

– Не знаю, что и сказать, – наконец произнесла Ариадна. У нее подгибались ноги.

Дионис доверительно нагнулся к ней, и она почувствовала запах вина и леденцов:

– Знаешь, я не эксперт, но, если мне не изменяет память, в такой ситуации принято говорить «спасибо».

Он слегка пошатнулся, и она инстинктивно подставила ему руку.

– Чел, да ты же в хламину.

– Ты чертовски права, – развязно бросил Дионис.

– Спасибо за чудесное спасение. И зачем же ты мне помог?

Он улыбнулся:

– Я знал тебя в прошлой жизни.

– Ну-ну. А если начистоту?

– Сам не знаю. Может, у меня фетиш на дев в беде.

– Ты выбрал самый сексистский и критикуемый современным обществом архетип, поздравляю. Советую обновить твиттер, вдруг ты уже пал жертвой культуры отмены.

У него появились ямочки на щеках:

– Никто не отменит меня лучше меня самого, дарлинг. На Четвертое июля я выпил лишнего и попытался изнасиловать ногу замдекана. Нога сама напросилась, если что.

Ари фыркнула. Не засмеялась, но хотя бы издала звук, близкий к смеху. Уже прогресс.

– Копы правда оставят меня в покое? Вот так просто?

Кивок.

– Они говорили про товар. Ты что, толкаешь участку колеса?

– Может, да. Может, нет. Кому какое дело? – Он подмигнул.

– А мне толкнешь?

Она изо всех сил старалась говорить грубо, с деланным безразличием. В действительности Ари готова была на все, чтобы заглушить печаль. Вероятно, даже прыгнула бы к собеседнику в койку, окажись у него презерватив и подходящее настроение.

– Вряд ли, дарлинг, – безмятежно ответил Дионис, будто не замечая ее потуги. – Они ничего, когда на душе праздник. А ты же в петлю сразу полезешь. Доставать тебя потом еще... Задуршенные всегда не очень выглядят.

У него интересные представления об эмпатии, подумала она. И ей это понравилось.

– И потом, для тебя у меня точно найдется что-нибудь получше, Ари.

Наверное, каждый ждал, что другой вот-вот скажет «ну, уже поздно» или «увидимся», но по какому-то негласному договору им не хотелось расставаться. Ари было любопытно, что за странное одиночество отражалось в его насмешливых голубых глазах.

– Кстати, ты пьешь кофе?

== Весна ==

Вот так просто Дионис тогда взял и вытащил ее из ловушки. А Ари теперь не могла отплатить ему тем же, и эта невозможность съедала изнутри.

В пастельном небе холодное солнце блестело, как только что отчеканенная монета. Руки согревал стаканчик с кофе, но Ари все равно поежилась от весеннего ветра. У лектория уже собралась приличная толпа – похоже, она не единственная, кому сегодня понадобился президент студсовета. Его звучный голос с безупречной дикцией разносился по холлу:

– «Оракулу» планируют сократить финансирование. Если не хотим затянуть пояса потуже, дамы и господа, придется проявить в этом месяце максимальную активность. Я оставляю петицию в холле, у бюста Гомера...

Ари зевнула. Когда она последний раз спала больше шести часов? Не в этой жизни. Дернул же ее черт записаться на введение в политологию.

Студенты одобрительно шумели над ухом в такт пламенной речи Зевса. На самом деле большинству чихать было на роспуск «Оракула». Они пришли сюда ради Зевса – и многие из них были настроены уйти, что называется, только с ним или на нем. Но он, едва закончив, поспешил к Ари.

– Ого, – пропел он, сияя киношной улыбкой. – Смотри-ка, кто нас почтил своим...

– Привет, – кисло улыбнулась Ари. Обмениваться любезностями не хотелось. Вообще ничего не хотелось, если уж на то пошло.

Зевс пристально взглянул на нее, слегка склонив голову набок. Для человека неподготовленного это был почти смертельный удар: в их первую встречу Ари буквально запуталась в собственных ногах, стоило ей увидеть эти глубокие глаза цвета крепкого кофе с лукавыми золотыми искорками. Когда же он, тихо спросив разрешения, приобнял ее за талию с такой аккуратностью, словно она была вазой из муранского стекла, сердце Ари уже вовсю отплясывало джигу. Чары рассеялись, когда она увидела, как он точно так же приобнимает еще одну барышню, а потом еще, и еще, и еще – и так, пока она не сбилась со счета и не пришла к логическому выводу: Зевс – бабник. И, что гораздо хуже, несвободный бабник. Да, у него есть девушка. В смысле, настоящая, не одноразовая. По мнению Ари, в мире существовало не так уж много тайн, достойных внимания, и одна из них – как Гере хватает терпения ждать, когда же Зевс, наконец, сотрет свой член в пыль и будет никому не нужен, кроме нее.

– Есть новости о Дионисе? – Она постаралась придать голосу максимальную беззаботность. Конечно же, Зевса не обманул ее маленький спектакль.

– Нет. Извини. Мне правда жаль.

Не то чтобы она очень сильно надеялась на помощь Зевса, но он всегда был в курсе всех событий, происходящих в кампусе. Ничто не могло укрыться от его любопытства, и если он говорил, что новостей нет, – значит, их действительно не было. Слабость нахлынула на Ари так внезапно, что ей пришлось ухватиться за стену. Давно она не чувствовала себя так хреново. Наверное, с тех пор, как ушел Тесей, – только тогда это было внезапное осознание того, что человек, принесший столько радости и боли в прошлом, теперь тебе безразличен. А в этот раз все было иначе.

– Ари, послушай меня. – Горячая ладонь Зевса сжала ее плечо. – В этом нет твоей вины. Дионис – человек настроения. Ты ведь его знаешь! Наверное, прохлаждается на каком-нибудь роскошном пляже. Нагуляется и вернется.

– Черт возьми, да не могу я сидеть сложа руки! – взорвалась Ари. – Пойми, мне нужно что-то делать. Копам насрать на то, жив ли он вообще или уже валяется в канаве с перерезанным горлом!

– И поэтому ты выполняешь их работу?

– Кто-то же должен, – хмыкнула она. – Ты правда думаешь, что он бы бросил колледж аккурат перед вашим ритуалом Чистки? В Двенадцати каждый человек на счету, каждый важен и нужен, ты сам мне это говорил. Знаешь, я не строю иллюзий на счет Диониса. Он, конечно, безответственный. Но не настолько же! И то, что он ничего мне не сказал, даже не намекнул...

Она запнулась, и Зевс миролюбиво поднял руки:

– Убедила. Пспрашиваю сегодня в «Оракуле». Ты тоже приходи, Аполлон будет рад.

– Могу представить. Он уже полгода заманивает меня в свой кружок по лепке из глины. Как будто я не знаю, что у них там каждое занятие заканчивается оргией!

– Секрет Полишинеля, – отмахнулся Зевс. – Но ты все-таки не подавай виду, что знаешь. А то наш золотой мальчик совсем расклеится. И Гестию приводи.

– Чтобы она перебрала пунша и опять написала в туалете «Афродита – шлюха»?

Зевс рассмеялся, поправляя лавандовый пуловер:

– Кто-то же должен. А как тебе ее новая поэма? По-моему, очень недурно. Возможно, только отсылка к Йейтсу в финале была лишней. Хорошего понемножку...

– У меня мозг сломался на третьей строфе.

– Говорят, это черта горячих людей – не понимать смысл поэзии с первого прочтения.

– О, так я не тупая, я горячая!

Она глотнула из стаканчика, с горечью обнаружив, что кофе совсем остыл. Внезапно Зевс посерьезнел, повернувшись к ней изящным профилем и глядя куда-то вдаль.

– Если мне не изменяет память, Дионису позарез нужны были деньги. Он что-то такое говорил перед исчезновением. Может, конечно, он пошел в то место не за деньгами, но...

Ари вздрогнула, и ее сердце замерло от ярости, страха и раскаяния: причиной ярости была мысль о том, что он оставил ее, причиной страха – то, что она могла больше не увидеть его, а раскаяние... Придет черед и раскаянию. Значило ли это, что он спланировал все заранее? Неужели и правда бросил Двенадцать? Бросил учебу? Бросил ее?

Вслух она только спросила:

– «В то место» – это куда?

– А куда мы идем, когда нам нужен хороший кредит? В общем, жду тебя в «Оракуле». Для всех простых смертных в семь, но, зная тебя, в шесть. – Он махнул на прощание рукой и пошел к лестнице.

– Кредиты выдает «Царство», – нахмурилась Ари. Картина еще не начинала проясняться, но у нее, по крайней мере, появилась надежда. Слабая путеводная нить.

– Сходи к Аиду, – крикнул Зевс, не оборачиваясь. – Может, он и есть твой золотой билет.

Она вышла на улицу. Свет солнца золотил ее черные вьющиеся волосы, согревал смуглую кожу. Двор переполняли голоса студентов, из ближайшей кофейни доносились восхитительные ароматы.

– Гребаная ты заноза в заднице. Где тебя черти носят? – прошептала Ари.

Первую неделю она успокаивала себя тем, что это вполне похоже на Диониса. Взбалмошный и непостоянный, он часто исчезал без предупреждения, а потом звонил ей, крича в трубку, что оказался за сотню миль от кампуса. И эта непредсказуемость устраивала ее. Она казалась раем после бесконечной ревности Тесея и необходимости наблюдать за его преступными выходками. С Дионисом же голова кружилась от пьянящего чувства свободы, и в крови гулял адреналин.

А через неделю после его исчезновения Ари проснулась с бешено колотящимся сердцем. Что-то изменилось, поняла она. Раньше ей часто снились кошмары: например, о той ночи, когда кровь мертвеца оказалась у нее на руках. Ари могла проснуться от собственного дикого крика, перебудив соседок. Сны казались такими яркими, что ей приходилось вставать с постели и бродить туда-сюда по комнате, пока сердце снова не начинало биться в привычном ритме. Но через неделю после исчезновения Диониса она проснулась с новым чувством. С четким осознанием, что все вокруг – ненастоящее. Что ее жизнь, ее воспоминания, ее личность студентки с богатыми родителями и хорошими оценками – фальшивка. «У меня была другая жизнь», – ошеломленно подумала она, снова опустившись на подушку. Утром острота этого чувства притупилась. Но на смену ему пришло новое: все вокруг идет не по плану. Все изменилось.

– Так много всего произошло в эту неделю, – негромко продолжала она, обращаясь к тому, кто все равно не мог ее услышать. – Я чувствую, будто прожила сразу три года. А я не хочу думать о своих проблемах. Я хочу выслушать, как прошел твой день. Хочу просто услышать твой голос. Обнять тебя, в конце-то концов.

Ари не понимала, что послужило точкой отправления. Когда все покатилося под откос? С той проклятой вечеринки? С момента, когда она получила максимальную оценку за тест, к которому совсем не готовилась? Или, может, с той безумной ночи в полицейском участке, когда они с Дионисом впервые встретились? Ари не могла сформулировать.

Впрочем, если бы кто-то прижал ее к стенке, встряхнул как следует и прямо спросил, с чего все началось, она все-таки нашла бы ответ. Потому что в глубине души знала его.

Все началось, когда убили Семелу.

Часть 2. О цветах и книгах

Солнце по вечерам окутывало кампус блестящей сетью. Ари проходила мимо старинных стен, арок и колонн. Когда она миновала дом Гигантов, Гратион, ее партнер по вчерашнему докладу, дружелюбно зажестиковал, приглашая присоединиться к пятничному пикнику. Шарлотка, горячий глинтвейн и никаких мыслей о пропавших парнях... Ари помахала в ответ, стараясь изобразить максимальное раскаяние на лице. Мол, извини, я бы с радостью, но так ужасно спешу, сам видишь. Гратион печально развел руками и отвернулся, прерывая их маленькую пантомиму, чтобы указать на лишнюю скатерть новенькому члену сообщества.

Студенческих сообществ в Эллинском университете хватало. Двенадцать тоже были активно вовлечены в общественную жизнь, но держались немного особняком, и это накладывало на них отпечаток элитарности и таинственности. Еще осенью Ари представляла их сборищем богатеньких интеллигентов в бархатных креслах, томно вздыхающих во время распития чая и прячущих взгляд на страницах томика с шекспировскими сонетами. Дионис долго смеялся над ее наивностью и честно предупредил, чтобы она ничему не удивлялась – хотя она, конечно же, все равно удивилась. Чего стоил один только ритуал Чистки! Слишком уж необычные вещи творились под крышей их дома, узнав о которых она настолько растерялась, что единственной фразой, которую получилось сформулировать, было:

– Стойте, вас же на самом деле не двенадцать!

– Какая сообразительная! – воскликнул Гермес. – Она мне уже нравится. Хотя бы сегодня Дио целует не бокал вина и даже не пол. Добавить тебе корицы в кофе?

Причиной, по которой Ари не радовало предложение Зевса прийти в Царство, было то, что в их и без того странном сообществе Аид был наиболее странным. Она видела его дважды в жизни, оба раза он едва удостоил ее взглядом и сохранял хищно-настороженное лицо человека, попавшего с небогатых похорон на сумасшедшую вечеринку. Правда, во второй раз в его тяжелом взгляде мелькало что-то похожее на умиротворение и чуть ли не нежность, но тогда он был под руку с Персефой. Сегодня на такую милость рассчитывать не приходилось: на прошлой неделе Персефона успешно завершила программу обмена и вернулась в родную alma mater. Оставалось надеяться, что она пишет ему чувственные письма или хотя бы присылает эмодзи сердечек поутру – в противном случае Ари точно ловить нечего.

Строго говоря, она не знала, можно ли вообще причислять Аида к Двенадцати. Он не был ни на одном ритуале Чистки, куда допустили даже Ари, хотя она так и не стала полноправным членом их компании. У них не было ни одной общей лекции, ни одного семинара – студенты финансов редко пересекались с остальными.

Когда она добралась до Царства, солнце, ставшее пылающим шаром на краю озера, почти исчезло. Ей следовало поторопиться. Аид не производил впечатление души компании, вряд ли их разговор затянется больше чем на пять минут. Значит, она успеет забежать в общежитие, заглянуть в свежий конспект по английской литературе, принять душ, перехватить фирменное печенье Гестии и добежать до «Оракула» к шести часам. Ладно, Зевс был прав, к семи. Надо быть реалистом. Ари привыкла к подобным подсчетам в первую же неделю в университете.

Она машинально толкнула калитку, отделявшую Царство от внешнего мира, и ей сразу стало не до тайм-менеджмента. Быстрые тени метнулись в ее сторону с разъяренным рычанием. Спустя секунду три поджарые гончие уже кружили вокруг нее, скаля клыки.

– Твою ж мать. – Ари медленно-медленно попятилась, стараясь не давать им повода перегрызть ей глотку. – Твою-мать-твою-мать-твою-мать.

Их бешеный лай, казалось, раздавался в самом мозгу. Она оглянулась и наудачу крикнула:

– Аид!

Ноль эффекта.

Паника захлестывала с головой.

– Отзови своих псин, черт бы тебя побрал!

Наконец на крыльце появился высокий худощавый студент, с ног до головы затянутый в черное. Ари выдохнула с облегчением.

– В чем дело? – Голос у Аида оказался хрипловатым и таким невозмутимым, будто он во время безмятежной вечерней прогулки осведомился у прохожего, который час.

– Меня сейчас сожрут, вот в чем дело!

«Нелепый ты мудоблан».

Аид как будто замялся. Приподнял рукав пальто, посмотрел на массивные наручные часы. Псы продолжали истекать слюной.

– Библиотека откроется завтра в семь. Когда будешь уходить, прикрой калитку поплотнее, договорились?

– Дионису ты так же сказал перед его исчезновением?

Он на секунду задумался. Тихо пробормотал что-то, и вся агрессия животных мигом улетучилась. Они растворились в кустах так же неожиданно, как и появились.

Тяжело дыша, Ари, не дожидаясь приглашения, поднялась по ступенькам, бесцеремонно оттеснила Аида – его бледное лицо исказилось, когда она прикоснулась к нему плечом, – и ввалилась в Царство. Ее все еще потряхивало от адреналина.

Ничего особенного – огромные стеллажи с книгами, кресла, столики, лампы, гипсовые бюсты – эдакая мрачноватая библиотека, но гораздо менее солидная, чем Главная. С другой стороны, чего еще можно было ожидать? Царство и было небольшой библиотекой, подаренной сообществу Двенадцати в знак особой благосклонности университетской верхушки. Аид в свое время очень быстро прибрал к рукам это место, записав его как «волонтерский проект». И теперь студенты в Царство ходили не столько за книгами, сколько за шансом поправить материальное положение – иногда даже не по конским процентам, но это уж как повезет. Аид с небывалой охотой разбрасывался кредитами направо и налево, а затем с не меньшим энтузиазмом требовал их обратно. Обмануть его было практически нереально. Практически – потому что в прошлом году был слух, якобы какой-то умник все-таки уболтал его, обвел вокруг пальца и сбежал из города. Правда, потом еще прошел слух, что умника видели в окрестностях кампуса, и, дескать, выглядел он неважно. А потом умник пропал¹.

Аид снял пальто, под которым оказался простой черный костюм, и жестом пригласил ее сесть. Сам расположился в кресле напротив, подперев переплетенными пальцами острый подбородок.

– Ари. – Она протянула ему руку. Поколебавшись, он сжал ее ладонь, не снимая, впрочем, кожаных перчаток.

– Да, я знаю. Ты со второго курса. Филфак, если не ошибаюсь. Какое у тебя ко мне дело? «А он времени зря не теряет».

– Дионис пропал. – Она решила последовать его примеру и не стала ходить вокруг да около. – Знаешь об этом что-нибудь?

Он покачал головой, не отрывая от нее взгляда, и его гладкие темные волосы блеснули при тусклом свете настольной лампы.

– Ему вроде как нужны были деньги. – Ари внимательно ловила малейшие признаки любой эмоции на его бледном лице. Ничего.

– Что ж, видимо, он взял их в другом месте.

– Хочешь сказать, Дионис к тебе не приходил?

¹ В народном сознании Аид постепенно стал не только владыкой подземного царства мертвых, но и богом богатства (зерно, «воскресающее» из земли, драгоценные камни и металлы...)

– О чем я тебе и толкую.

– А Зевс говорит, что приходил, – не сдавалась Ари. Она нагло блефовала. Зевс ничего такого не сказал, но чутье подсказывало ей: она на верном пути. Оно спасало ее сотни раз, выводя из немыслимых передрыг, в которые ее втягивал Тесей. Не должно было подвести и сейчас.

Черные глаза нехорошо сверкнули, заворошились угрозой.

– Приходил. Не ко мне, – наконец уступил Аид.

Ари выжидающе откинулась на спинку кресла, мысленно торжествуя маленькую победу и изо всех сил сдерживая улыбку. Так-то лучше.

– К... – Он запнулся, словно ему было неприятно произносить имя. – Персефоне.

– Не думала, что они были друзьями.

– Они и не были.

Ари почувствовала, что ступила на скользкую почву. Стоит ей сейчас показать, что она ничего не знает, продемонстрировать хоть каплю отчаяния, как ускользнет малейшая надежда разговорить Аида. «Ох уж мне эти интроверты». Как Персефона могла быть связана с Дионисом? Ари видела, как они общались, всего раз, на той проклятой новогодней вечеринке.

Тогда Дионис смешивал один из своих безумных коктейлей, излучая нетерпение гения, создающего истинное искусство. Персефона шутила... О чем же она шутила? Ари не могла вспомнить, как бы ни старалась. Вот Персефона берет коктейль, достает вишенку, отбрасывает длинные белые волосы на спину, отпускает двусмысленную шуточку, сама же над ней смеется, сверкая улыбкой, поворачивается к тоже смеющейся... Семеле.

– Семела, – произнесла Ариадна.

– Она тоже с побережья, да. У ее матери там дом.

– Не знаешь, о чем говорили Дионис с Персефоной?

– Подслушивать неприлично. Знаешь, у некоторых в наше время еще остались манеры.

Ари закатила глаза. Что ж, сведения она в любом случае получила. Найти Персефону труда не составит.

– Спасибо за гостеприимство, ты просто душа. – Голос сочился сарказмом. – Насчет Диониса. Если вдруг услышишь какие-нибудь слухи...

– У меня тут ни единой живой души. Книжные черви не болтают, заемщики стараются лишний раз не обращать на себя внимание. Откуда здесь взяться сплетням?

– А несчастные должники в твоём подвале? – попробовала пошутить Ариадна.

Аид поднял на нее тяжелый взгляд и помолчал так долго и многозначительно, что шутка окончательно перестала казаться ей забавной.

– В общем, дай знать, если что.

Она сползла с крыльца, нервно озираясь по сторонам, ожидая нового нападения трех разъяренных псин². Аид дождался, пока она прикроет калитку, захлопнул дверь и снова обессиленно опустился в кресло.

На самом деле, он, конечно, подслушивал. Он мог прикидываться джентльменом сколько угодно – но не когда дело касалось Персефоны. С ней многое было иначе. Может быть, даже все.

== Осень прошлого года ==

В день, когда Аид впервые совершил невообразимую глупость, кампус кипел в ожидании первых осенних экзаменов, и Царство наполнилось запахом кофе, шумом шагов, шелестом страниц. Большие скопления людей вызывали у Аида тошноту, головные боли и желание

² Собаки Аида – Цербер, трехголовый пес, в древнегреческой мифологии охранял выход из царства мертвых.

удавиться на шелковом шнуре от гардин, потому он переживал поток посетителей на обычно пустующем втором этаже. Ключевое слово – обычно.

– Забыл предупредить насчет Сизифа. Если этот уродец опять придет к тебе за займом и скажет, что...

Зевс не переставал шептать ни на секунду, одновременно переписывая мелким аккуратным почерком основные идеи «Психологии народов и масс» и гугля значение термина «трансцендентальная медитация». Он, как Цезарь, ухитрялся делать триллион дел одновременно. Изредка он замолкал, чтобы глотнуть виски из внушительной фляжки или взять желтый маркер и выделить ключевые тезисы конспекта, и тогда Аид переставал бороться с искушением сбросить его с лестницы и обставить произошедшее как несчастный случай.

И если бы Зевс был единственным, кому приспичило занять второй этаж, – возможно, в тот день ничего бы не изменилось. Но еще здесь была она. Она приходила сюда каждый день на протяжении недели. Вежливо и коротко улыбалась, брала стопку раритетных книг по ботанике, ставила на стол неизменный термос с чаем, доставала связку неотличимых на вид простых карандашей. И рисовала.

– Эй, дружище! Ты меня вообще слушаешь?

Она склонялась над бумагой, быстро, легко прорисовывая каждый лепесток, и под ее длинными пальцами расцветали аккуратные оранжереи. Штрих за штрихом.

– Ого. – Зевс резко отодвинул конспекты в сторону и улыбнулся. – Да, красotka. Персефона. Только недавно приехала по программе обмена. Сам бы подкатил, но знаешь что? Она такая молчаливая. Совершенно не умеет веселиться. Да, я знаю, прям будто твоя родственная душа. Сам в шоке...

В конце концов, все было очень просто. Они обитали на одной планете, в одном временном потоке и на том расстоянии, которое можно преодолеть шагами.

– Ты запал на нее, – подметил Зевс.

– Не запал, – отрезал Аид.

– Ну да, просто тебе нравится смотреть на нее часами. Подойди уже к ней, а? Честно, дружище, у тебя сейчас такой взгляд страшный. Если бы на меня кто так пялился, я бы в полицию пошел, а не к алтарю. С девушками надо попроще, посмелее. Просто будь собой...

Она отстранилась. Перекинула через плечо тяжелую белую косу. Бросила взгляд на получившийся эскиз. Провела пальцами по пересохшим губам. Потянулась за термосом.

– Сейчас или никогда, – пробормотал Аид. И прежде, чем Зевс успел моргнуть, вырвал у него фляжку и хватил ей о мраморный пол. Грохот, разорвавший библиотечную тишину, возымел нужный эффект: Персефона вздрогнула, содержимое термоса мигом оказалось на страницах раритетной книги.

Он быстро поднялся на ноги и, чеканя шаг, направился к ней, обвиняюще выставив палец в черной перчатке.

– Ты ведь в курсе, что повредила книгу двухсотлетней давности? Редкую книгу в моей коллекции. – Аид холодно разглядывал ее в упор.

Она подняла огромные карие глаза, и его кинуло в жар.

– Извини. – Персефона вытянула из сумки платок и осторожно промокнула бумагу. Охнула, когда он вцепился ей в руку, боясь, что она окончательно размажет чернила. Черная перчатка на белом запястье. Красиво. Раньше он никогда не задумывался об эстетике.

«Честно, нахуй книгу».

Внутри саднило, жгло, зудело.

«Я тебе еще двадцать таких принесу».

Но что-то овладело его ртом и гневно допрашивало:

– «Извини»? Ты наркоманка, пьяная или просто дура? Она очень ценная. Ты не понимаешь?

– Я могу заплатить.

Услышав безумную сумму, выдуманную за секунду, она невозмутимо отставила термос с чаем в сторону.

– Или не могу заплатить. Какие еще есть варианты? Ты только не нервничай. Это вредно для здоровья.

Если честно, он сам бы удивился, скажи ему кто-то однажды, что эта книга настолько дорогая. Он не вспоминал про нее... хм, дайте подумать... никогда?

– Ты пытаешься выставить меня психом перед другими студентами?

– Мне не нужно делать это за тебя.

Он полез в карман пиджака, вынул бумагу и ручку.

– Это что еще такое?

– А на что это похоже, как думаешь? На утюг? Кактус? Адронный коллайдер? Я прямо теряюсь в догадках, что ты перед собой видишь. Пиши расписку. Будет тебе рассрочка. Уже выбрала дополнительные часы в студорганизации? Нет? Будешь приходить сюда трижды в неделю, работать над...

Его несло. Чего он тогда добивался?

Возможно, чтобы она сидела вот так почаще.

Например, всегда.

Она смотрела огромными внимательными глазами, и такое ощущение, что практически не злилась на него. Просто оценивала. Изучала. Препарировала. Как одно из этих растений на эскизе.

«Ну же, я ведь специально тебя провоцирую. Разозлился на меня. Пошли меня к черту. Потому что я правда не знаю, что мне делать дальше».

Она не разозлилась.

Так что Аид взял расписку. Аккуратно сложил ее. Убрал во внутренний карман пиджака. Поставил чайник. Заварил чай. Протянул Персефоне.

Если она и удивилась его поведению, то виду не подала.

– Тебе с сахаром?

– Без.

– А я уже положил.

– Тогда кипятка подлей.

– Погадаем? – Аид взглянул на чайники. – Вижу, вижу... Так, что тут у нас? Ничего себе!

Он отстранился, растерянно приоткрыв рот.

– Безумие какое-то. У меня первый раз в жизни такое откровение.

Персефона вытянула шею:

– Что там? Что меня ждет?

– Бесконечные пыльные книжки, разумеется. А ты что подумала?

– Несмешная шутка.

– Тогда почему же я улыбаюсь?

Это было наглой ложью: Аид не улыбался, а ухмылялся во весь рот.

В углу что-то зашевелилось, и он запоздало вспомнил, что Зевс все еще тут. Президент студсовета осторожно подтянул отвисшую челюсть. Поморгал. Поднялся и шепнул Аиду на ухо:

– Ты ведь в курсе, что мог просто попросить у нее телефон? Но! Так тоже неплохо. «Будь собой», все такое. Виден твой... почерк. В твоём стиле. Да. Ну, я пойду.

И он ушел, позабыв конспекты.

– Что он сказал?

– Что тоже хотел выпить чаю. Но на него уже не хватило, увы. Ты тоже допивай. Завтра ужасно трудный день. Ты вообще видела секцию с социологическими исследованиями? Не

советую ходить туда без фонарика. И отлынивать от работы тоже не советую, а то останешься там навечно.

– Это угроза? – фырнула она, как рассерженная кошка.

Аид пожал плечами и плавно развернулся на каблуках. Он знал, что совершил самый идиотский поступок в своей жизни. И тогда его это вполне устраивало.

== Весна ==

Сейчас он бы поступил точно так же.

Правда, вместо запугиваний и дебильных шуток он бы просто сказал: приходи, пожалуйста, завтра. Или, что еще лучше, вообще не уходи. Оставайся. Будем смешно пререкаться и молчать с сердитыми лицами.

Только она все равно не придет. Как там было в найденной вчера на подоконнике книжке? «Крепка, как смерть, любовь». Кто это сказал? Плевать. Видимо, тоже какой-то идиот, заскучавший по девушке.

«Издавательство. Сплошное издавательство».

Он сидел в кресле до тех пор, пока вокруг не пронесся нарастающий гул.

Кампус содрогнулся от взрыва.

Часть 3. О терактах и кофе

– Спасибо, что пришли сегодня, дамы, господа и прочие небинарные. – Аполлон поклонился, прижав ладонь к сердцу. – Я считаю, что...

Что он считает, Ари так и не узнала: она услышала нарастающий гул, будто идущий со всех сторон. Мелькнула черная вспышка, взметнулись обломки, и мощный рывок отбросил девушку на пол вместе со стулом.

Она вскрикнула от боли, стиснув ребра руками. Горячий воздух обжигал легкие. Кости трещали. Ари дважды попыталась хотя бы встать на колени, с третьей попытки ей это удалось. В голове звенело, мир сливался в мешанину тусклых пятен. Сверху сыпалось что-то серое. Гости «Оракула» будто в замедленной съемке перемещались по задымленному помещению. Испуганные крики и топот десятков ног оглушали ее.

– Гестия! – Она потрясла соседку, попыталась придержать ей голову. Та неподвижно лежала на полу, но ее длинные светлые ресницы затрепетали, и Ари с облегчением выдохнула.

– Ты меня слышишь?

Гестия попыталась подняться и тут же рухнула обратно, тихонько охнув. Ее руки покрывали мелкие красные порезы от осколков чашки. Увидев кровь, Ари снова невольно вспомнила ту ночь в полицейском участке.

– Не шевелись, я попробую тебя поднять.

– Плохая идея. – Голос у Гестии стал совсем слабый, Ари пришлось почти прижаться ухом к ее губам, чтобы слышать. – Там сейчас давка у выхода. Люди в панике. Мы не сможем выйти.

– Попробую позвать на помощь. Только не шевелись, ладно?

– Не бойся, далеко не убегу...

Едва держась на ногах, Ари пыталась пробраться к выходу, на ощупь перебирая руками по стене. Зрение не подчинялось ей.

– Помогите, – позвала она темные силуэты, призывавшие к спокойствию и просившие организованно покинуть здание. – Там моя подруга...

Она впервые назвала Гестию подругой за все время их совместной учебы. За все бессонные часы над учебниками, за подзвездные ночи на подоконнике с розовым вином, за ее кулинарные изыски, состряпанные чудом из говна и палок. За попытки вытащить Ари хотя бы в ванную или в столовую, когда она погрузилась в пучину паники, осознав, что Дионис, возможно, больше не вернется. И Ари неприятно удивило то, что, спустя множество пережитых вместе трудностей, она только сейчас подумала о Гестии как о своем друге.

Один из охранников подхватил ее прежде, чем ноги окончательно подкосились. Ари чувствовала себя совсем маленькой и легкой у него в руках. Ее внезапно потянуло в сон, и она была благодарна, когда он вынес ее на улицу, опустил на землю и укутал какой-то тканью.

– Мы позаботимся о вашей подруге. Пожалуйста, дождитесь медиков.

Она протерла глаза, из последних сил стараясь не поддаваться желанию уснуть, и огляделась. Взрыв разворотил половину кафе.

Их с Дионисом кафе, прозванное «Оракулом» – по названию поэтического кружка, собиравшегося здесь по пятницам.

Она понимала, что глупо думать об этом сейчас, когда неизвестно, что с Гестией и с остальными студентами, которые всего-то зашли на поэтический вечер, но сердце все равно будто сжал чей-то стальной кулак.

== Осень прошлого года ==

Первый раз Ари оказалась в «Оракуле» после инцидента с участком.

– Ты пьешь кофе? – спросил Дионис, когда они спешили убраться подальше от полицейских. И, не дожидаясь ответа, мягко подтолкнул ее к просторному светлому дому Двенадцати с витражными стеклами, вернее, к двери, ведущей в подвал.

Ари заколебалась. Ее все еще лихорадило, спасение из рук копов кружило голову, но не настолько, чтобы она могла доверять подозрительным барыгам, направлявшимся в подвал. Дионис был привлекателен в своей уверенной непринужденности, но в то же время вызывал у нее здоровый страх.

Опасения рассеивались по мере того, как ее спутник раз шесть пытался попасть ключом в замочную скважину, периодически пиная дверь, нервно ероша волосы и бормоча витиеватые ругательства.

– Ты в дрова, дай-ка мне. – Она ловко выхватила из его непослушных пальцев ключ и вставила в скважину. Повернула. И ключ остался на месте. Повернула еще раз. Тот же эффект.

– Какого...

Дионис заржал.

– Очень смешно, обхохочешься, – буркнула Ари. Но он смеялся так заразительно и добродушно, что она не удержалась и растянула губы в слабом подобии улыбки.

– Не хочет, чтобы мы вошли, – пояснил Дионис. – Вредничает. Ладно, давай попробуем в последний раз. Если не получится, полезем в окно к социологам.

– Подожди, разве не они сдали тебя копам?

– В этом-то и фокус, дарлинг. Они думают, что я все еще у господ полицейских и томно лежу на нарах. Так что на нашей стороне фактор неожиданности.

– Если что, кофе я могу и у Гестии попросить. Незачем все так усложнять.

– А при чем тут кофе?

– Ты же сказал...

– Ой, оговорился. Со мной бывает. Я хотел сказать, кофе со сливочным ликером. Возможно, ликера в итоге будет чуточку больше. Вероятно, мы исключим оттуда кофе. Давай-ка ключи.

На этот раз заколдованная голубая дверь поддалась. За ней скрывалось темное помещение, заставленное круглыми столиками, с небольшой сценой в глубине. С потолка свисали причудливые лампы, нос щекотал слабый запах сигаретного дыма. Ари прошла к барной стойке, сбросила пальто на стул и едва не скинула на пол раскрытый блокнот в кожаном переплете, исписанный крупным неровным почерком, похожим на кардиограмму.

– Это мое. Я тут хозяйничаю, когда не лень. – Дионис повозился в углу с картонными конвертами, небрежно вытащил виниловую пластинку и включил проигрыватель.

Они украдкой бросали друг на друга изучающие взгляды. Два незнакомца, уже не совсем чужие, но еще очень плохо знакомые.

– Что с тобой случилось, дарлинг?

Ари пожала плечами с деланой легкостью:

– Случилась я, вот что. Сглупила. Доверилась не тому парню, наделала кучу ошибок. И теперь я его ненавижу. Как и весь остальной мир. Классика жанра.

Дионис улыбнулся. Светло, как солнце. Откупорил бутылку, потом еще одну, начал смешивать содержимое в стакане.

– Лучше действуй как я. Не люби никого, кроме дельфинов.

– Почему именно дельфинов? – удивилась Ари.

– А почему не их? Ты что-то имеешь против? Ты их дискриминируешь? Ущемляешь их права?

– Нет-нет! Наоборот! Чертовски правильное решение! Не любить – прекрасно, не быть в отношениях – великолепно.

Ари только надеялась, что по ней не сильно заметно, что она сейчас совершенно потерянная, что ее жизнь лежит в руинах и она будто бродит по этим руинам, пинает камушки и периодически истерично смеется.

– Что-то у меня голова болит, – призналась она. Проклятье! Голос звучал хрипло и как-то по-идиотски смущенно.

Дионис приглушил музыку:

– Это все недостаток алкоголя у тебя в желудке. Алкоголь убивает бактерии. Я как-то месяц встречался с медиком, так что доверься мне, я все про это знаю.

– Пытаешься меня напоить?

Вид у него сделался слегка виноватым.

– Я не против – честно сказала Ари. И вздрогнула.

«Я не против», – так сказал Тесей сегодня вечером. Они с Минотавром стояли на вершине скалы, избивая друг друга над бездной. Ари отстраненно смотрела на их разборки, будто это был старый нуарный фильм. Холодный ветер обдувал ее лицо. Сердце хаотично стучало под ребрами. «Какого хрена ты тянешь, убей меня уже наконец! – надрывно вопил Минотавр, дергаясь, как марионетка. – Или кишка тонка?» Это были его последние слова. Болтай он меньше, может, выжил бы.

Ари помассировала виски, глотнула коктейль. По венам будто потек жидкий огонь. Сладко.

– Можешь рассказать мне свою историю, если хочешь, – предложил Дионис. – Кому какая разница? Мы даже на разных курсах и факультетах. Ты больше никогда меня не увидишь.

Вот тут он солгал.

Выпивка развязала Ари язык. Она прочистила горло.

– Я встречалась с одним парнем. Я не думала... Ну, он казался нормальным. Даже очень хорошим. Просто немножко сломленным. Из тех, кто будет в тебе нуждаться, понимаешь? Рядом с кем ты чувствуешь себя по-настоящему важной. А в итоге оказалось, что тех, кто рядом, мы знаем хуже всего. То есть... я всегда знала, что у него сейчас черная полоса. То есть она у него была все время, что мы знакомы. – Она нервно хихикнула. – Он вроде как был в одной банде, но хотел уйти, честно. Он все строил бизнес. Вроде должно было вот-вот получиться, потом сделка срывалась, и так по кругу, раз за разом. Иногда он просил деньги. – Она сделала еще глоток. И еще один. И еще полстакана. – Вообще-то не иногда, довольно часто. Я брала у отца.

У нее задрожали плечи. Дионис осторожно разжал ее окаменевшие пальцы, вытащил стакан, подлил еще.

– Потом должна была быть очередная сделка. А из-за Минотавра все пошло через жопу. Тесей просто рвал и метал, кричал, что пойдет и убьет его. Говорят, он тем еще мудаком был, этот Минотавр. Мошенничал, воровал. Кинул сотни мальчишек и девчонок. Так что я старалась не думать, что Тесей слишком бурно реагирует. У нас ведь только-только все начало налаживаться. И вот сегодня мы поехали к западному утесу. У моего отца там летний домик, маленький такой. Тесей сказал, там будет чудесно. – Она сделала еще глоток, маскируя дрожь в голосе. – О, да. Так и было. У меня все руки были в крови. Представляешь? Одежда тоже.

Она покосилась на пальто.

– Минотавр был неподалеку. Откуда, почему – черт его знает. Не думаю, что это было совпадение. Они подрались, в ход пошел нож. Нож оказался... Неважно. – Ари сглотнула, вытирая испарину со лба. – Тот чувак точно был еще жив, когда Тесей просто выкинул его

с утеса. А потом Тесей подбросил меня до кампуса. И пока я была в шоке, он позвонил в полицию. Сказал, у него есть сведения насчет убийства.

Честно говоря, она не помнила, когда последний раз была настолько пьяной. Ни до, ни после этой ночи. Но ложь все равно легко срывалась с ее губ. «Не ложь, – одернула она себя. – Полуправда».

– Знаешь, что самое... самое хреновое во всей этой истории? Помимо того, что на меня повесили убийство чувака, которого я первый раз в жизни увидела. То, что это все только моя вина. – Она задыхалась, будто торопясь побыстрее выплеснуть копившиеся внутри слова. – Потому что я, блин, спровоцировала это своей наивностью. Богатенькая хорошистка, вроде умница, но недостаточно, всегда недостаточно... Проблемы с отцом. Все эти папочкины комплексы и постоянные попытки преподнести свой сомнительный бизнес как великую империю, его вечные ссоры с матерью из-за их измен друг другу... Мама в итоге ушла из семьи, а потом оказалась в психушке. И мое желание освободиться, сбежать от их проблем и от собственного предсказуемого существования. Я – ходячая легкая мишень. Понимаешь?

Дионис кивнул:

– Что-то похожее я уже слышал. От создателей «не одевайтесь слишком женственно, это провоцирует насилие; не позволяйте выглядеть детям по-детски, это вызывает педофилию. И не надо выглядеть слишком живым, это провоцирует убийство».

– Ты меня вообще слушал? – Ари устало уронила голову на руки. – Слабость жертвы провоцирует агрессора. Это все знают. А ты тут... Философ домо... доморощенный. Оставил бы свои нелепые комментарии при себе, незачем позориться...

– Думаешь, ты можешь оскорбить меня? – Он бросил на нее насмешливый взгляд. – Вообще-то да, можешь. У меня нестабильная психика, и меня выносит абсолютно по любому поводу.

Ари прикрыла глаза. Комната вокруг кружилась. «Что я несу?»

– Я просто пьяная. И я в жопе. В ближайшее время у меня будет множество нездоровых механизмов защиты. И черное чувство юмора. Ты извинишь меня?

– Ну уж нет. Не так просто, дарлинг. Какое-то время я буду ненавидеть тебя всей своей сумасшедшей душой.

– Обязательно с этим разберусь. Но чуточку позже. Ты, случайно, не помнишь, где мое общежитие? Третий корпус.

– Случайно помню.

Но они все равно блуждали по пустым, вымощенным булыжником дорогам кампуса до самого рассвета. И говорили, говорили, говорили.

== Весна ==

Кто-то сел рядом. Ари сфокусировала зрение. Высокий, подтянутый, темные кудри доходят до плеч. Острые скулы, тонкий нос – как осовремененная и более горячая версия Данте Алигьери. Взгляд темных глаз настолько уверенный и ясный, будто у них не бомба взорвалась, а начался банкет и сейчас его очередь говорить тост от лица студсовета.

– Приходи в «Оракул», говорил он, – проворчала Ари. – Будет весело, говорил он.

Зевс помрачнел:

– Такое веселье даже я предсказать не мог. Ты как, цела?

– Да. – Она слегка отодвинулась, чтобы он не загораживал ей обзор на Гестию. Ее уже вынесли из здания и укладывали на носилки.

– Очень рад. Как насчет того, чтобы обсудить Чистку?

– Что, прямо сейчас? Может, подождем, пока вокруг не будет дыма, шума, паники...

– Сейчас, – с мягким нажимом подтвердил Зевс. – Хочу заранее обкашлять некоторые вопросы.

Она с сожалением придвинулась обратно:

– Я вся внимание.

– Нужно, чтобы ты заменила Диониса.

Что-то похолодело у нее внутри.

– Исключено. Нет. Извини. В другой раз.

Ей казалось, что провести ритуал без него будет равносильно окончательному подтверждению того, что его больше с ними нет.

– Ариадна, я понимаю твои эмоции...

– Нет, не говори мне, что понимаешь, потому что на самом деле ты ни черта не понимаешь. Я не могу занимать его место. Точка. Попроси Аида.

– У него свои дела.

– А у меня – свои!

Его взгляд вспыхнул, и он тут же опустил ресницы, возвращая маску лидерского спокойствия. Зевс обожал себя и был склонен потакать себе во всех житейских удовольствиях, однако никто на ее памяти не мог контролировать себя лучше, чем он (разумеется, когда ему этого хотелось). Возможно, поэтому он так легко контролировал и других.

– Ты ведь знаешь, как это важно для Двенадцати. Мы очень рассчитываем на тебя. Зачем ты так с нами? Что я скажу ребятам?

Вот же засранец. Знает, на какой кобыле подъехать.

– Что я заболела. Умерла. Поехала к папе. Мне не позволяет религия. Выбирай на свой вкус, я не обижусь.

– Нам угрожает реальная опасность.

– Мне много раз угрожала опасность. – Ари расправила плечи. – У меня вообще довольно опасное прошлое.

Она нарочно смотрела с вызовом, но Зевса, кажется, не особенно проняло. Он только дипломатично отвел взгляд и продолжил:

– Ты ведь отлично знаешь, что это не детская шалость и не выдумка. Мы изгоняем опасных тварей назад в Тартар, а взамен университет получает спокойную жизнь. То, что мы делаем во время ритуала, – это магия, притом магия сильная.

О, Ари знала. Возможно, причиной отказа была не просто память о Дионисе, но и банальный страх. Что тут скажешь? Она не героиня.

Часть 4. О ритуалах и монстрах

== Осень прошлого года ==

Когда Дионис впервые позвал ее наблюдателем на ритуал, Ари не знала, чего ожидать, и решила, что Двенадцать просто серьезно относятся к старым идиотским традициям. Это не удивило ее: здесь каждое сообщество, каждый мало-мальски значимый кружок по интересам имели историю и значимые даты. Гиганты каждый год делали реконструкцию какой-то битвы. Гекатонхейры³ раз в месяц совершали горные походы.

Что было у Двенадцати, Ари тогда еще не знала и согласилась с легкостью.

Просторный особняк, принадлежавший Двенадцати, встретил их янтарными, будто залитыми солнцем, стенами. Ни серого, ни бежевого камня, ни готических арок – словом, ничего, что было так бесценно для эстетики их кампуса. Но Ари здесь все равно понравилось.

Пустой холл внутри будто дремал, и в него совершенно не вписывался долговязый темнокожий студент с дымящимся пучком травы в руках. Он сопел, бормотал что-то под нос, энергично размахивал руками и громко стучал каблуками о паркет, меряя пол шагами.

– А вы не торопитесь! – воскликнул он. От его открытой и искренней улыбки в холле будто лампочка зажглась. – Ты, наверное, Ариадна. А я Гермес.

Входная дверь хлопнула, и на пороге появился Посейдон. Они с Ари пересекались пару раз на лекциях. Он обвел холл хозяйским взглядом.

– Это наш новый гость, Ариадна, – предвосхитил вопрос Гермес.

– Наблюдатель для ритуала, – поправил Дионис.

– Наш новый наблюдатель, – легко согласился Гермес.

– Да хоть кто, – не впечатлился Посейдон. – Это вы не закрыли бассейн на ночь?

Он скользнул по ним воинственным взглядом.

– Ради всего святого, чувак, опять ты за свое! – Гермес дождался, пока он не скроется в коридоре, и снова повернулся к Ари. – Это наша локальная звезда. Единственный вытягивает сборную колледжа по плаванию, вот и переживает... Тебя проводить? Гардеробная дальше по коридору, направо.

– Справимся, спасибо, – с преувеличенной вежливостью промурлыкал Дионис.

Гермес будто нарочно проигнорировал его замечание, энергично размахивая травой над головой:

– Никогда не умел в защитные заклинания домов. Опять придется просить Гестию. Нам ведь не нужно, чтобы чудовища вырвались на свободу? – Он раскованно подмигнул, глядя на Ари.

Когда они отошли на приличное расстояние, она приподняла бровь:

– Чудовища?

– У него просто пристрастие к туманным метафорам. Лингвист, знаешь...

Неожиданно Дионис похлопал себя по карманам и замер, будто громом пораженный.

– Мой бумажник. Вот ведь маленький ублюдок!

– Кто?

– Обчистил меня, как младенца. Что ж, ладно, один – один. Но пусть не думает, что мы закончили!

– Гермес? Он же к тебе даже не подходил.

³ *Гекатонхейры* – сторукие пятидесятиголовые великаны, олицетворение стихий. Сыновья Урана и Геи, освобожденные Зевсом из заточения для войны с титанами.

– Ему и не нужно, дарлинг. Ты бы знала, что он творит своими руками и в особенности пальцами...

– Двусмысленность – определенно твой конек.

– В самом деле? – Он засмеялся, распахивая перед ней очередную дверь.

Подвижный, живой, яркий. Как солнечный зайчик.

Хотела бы Ари иметь иммунитет против его харизмы. Чтобы отвлечься, она спросила:

– Что это у тебя на шее?

Его пальцы дернулись к маленькой подвеске в виде серебристого кошачьего, болтающегося на тонкой цепочке. Возможно, это был леопард?

– Ты про амулет? Похожие есть у каждого из Двенадцати. Это традиция – надевать их на ритуал.

– Он что-то означает?

– Хм... – Дионис задумчиво улыбнулся. – Нашу истинную суть, возможно.

Они действительно опоздали: в темном зале уже собрались почти все члены Двенадцати, причем Гермес тоже. Когда он успел их обогнать?

На них никто даже не взглянул. Глаза всех были устремлены на Зевса, методично перекладывавшего по столу испещренные курсивом ветхие листы бумаги. Вблизи то, что Ари сначала приняла за стол, оказалось массивной дверью, снятой с петель и лежащей на чем-то вроде четырех высоких тумб.

– А почему «Чистка»? – спросила она шепотом. Возможно, странно было жить в одной комнате с двумя членами Двенадцати и ничего не знать об их культе, но ни Гестия, ни Афина не заводили с ней разговоры о досуге сообщества. Тогда Ари еще не понимала почему.

– Понятия не имею, дарлинг. Аполлон выдвигал теорию, согласно которой Тартар – что-то вроде большой свалки, куда мироздание выплевывает весь мусор, а мы – уборщики...

– Может, выйдете и обсудите, а потом вернетесь? – прошептала златовласая девушка с густо подведенными глазами. Плиссированная юбка, вышитый пиджак, жемчужное ожерелье, алый маникюр – она походила на ожившую подборку в Pinterest. Завораживающе красивую подборку.

– Расслабься, Гера, – бросил Дионис. – У нас еще пять минут.

Ари решила, что она тут главная зануда.

Зевс воздел руки к потолку и начал читать что-то нараспев. Серебряная подвеска в виде молнии на его шее то и дело вспыхивала при свете свечей. «Н ἰσχὺς ἐν τῇ ἐνώσει»⁴, – только позже Ари узнала, что именно он говорил, а тогда ей это показалось просто мешаниной звуков. С тем же успехом он мог выудить список покупок и сообщить: «Хлеб белый, нарезной. Помидоры, полкило. Туалетная бумага, четыре рулона».

Студенты начали накидывать светлые мантии и становиться в круг. Со своего места она видела Гестию и Афины. Аполлона с ее факультета. Афродиту с до боли правильными чертами лица и нежными голубыми глазами, по слухам, одарившую своим присутствием в постели половину мужского населения кампуса. Но у всех были настолько сосредоточенные лица, что Ари не решилась помахать им.

Дионис быстро сжал ей руку, будто говоря: «Я ненадолго», и тоже встал в круг.

Ари осталась в одиночестве – не считая хаотично понатыканных статуй, призванных изображать античных героев, но больше напоминавших приунывших стриптизеров.

– Н ἀλήθεια εἶναι ἀλλή κι ο λόγος της ἀκόμα πιο ἀπλός...⁵ – Зевс наконец закончил издеваться над ее ушами и прикрыл глаза. Его грудь размеренно поднималась и опускалась. По залу расплзался невесть откуда взявшийся ароматный дым.

⁴ «Сила – в единстве» (др. греч.).

⁵ «Истина проста, а слова ее еще проще» (др. греч.).

Афина взяла мел и сосредоточенно начала покрывать краешек двери аккуратными символами. Гестия подняла ближайшую свечу.

– Эй! Эй! Наблюдатель!

До Ари дошло, что обращаются к ней, только когда все участники ритуала развернулись в ее сторону и даже Зевс приоткрыл один глаз.

Гера всплеснула руками и спросила громким свистящим шепотом:

– Вы что, ничего ей не сказали?

– Да как-то к слову не пришлось, – пожал плечами Дионис и развернулся. – Тебе надо потрогать пламя. Видишь Гестию?

Ари рассмеялась в голос. Только он мог нести дичайшую околесицу с таким равнодушным видом.

– С какой стати?

– Ты наблюдатель ритуала.

– Я даже не знаю, что это! Ты в своем уме? Я не состою в вашем кружке, чего ради мне терпеть ожоги?

Студенты зароптали.

– Не хочу нагнетать, – пробормотал Гермес, – но, если не завершим Чистку, будут проблемы.

Дионис упрямо покачал головой:

– Дарлинг, ты не обожжешься. Обещаю. Доверься мне.

О, ей хотелось бы верить. Ему, его насмешливым и при этом печальным глазам, его мягкому голосу.

– Ты же в курсе, что все мои проблемы от того, что я доверилась не тому человеку? Твое предложение не выдерживает никакой критики!

– Если он солгал и ты обожжешься, сможешь подать на нас жалобу в деканат, – вдруг сказала Гера. – Скажешь, что мы тебя принудили.

Ари решила, что она не такая уж и зануда.

– Ребята, я, конечно, ни на что не намекаю... – снова завел шарманку Гермес.

– Ладно, черт с вами. – Ари потянулась к Гестии, мысленно пообещав себе, что, если Двенадцать все-таки издеваются, она больше никогда в жизни не заговорит с ней. Пусть не надеется одолжить у нее чай до стипендии.

Она взяла свечу, провела пальцами над пламенем. Огонь коснулся ее едва ощутимым теплом. Ари подавила изумленный вскрик. Стоило ли говорить, что она до последнего не верила этому элитному тайному обществу со странными ритуалами?

– Я не понимаю, как это возможно, – призналась она, ощущая прилив адреналина. – Но мне нравится.

Сердце бешено колотилось в груди.

– Все равно бы тебе в деканате никто не поверил, – сказала Гера. – Ну, насчет ожога. Двенадцать проводят этот ритуал уже двести лет.

«Не зануда, но сучка, видимо, та еще».

Ари сияла. Она прикасалась к пламени, пока прерванный ритуал продолжался, а Зевс снова распевался, и каждый из ребят говорил по одной фразе из какой-то общей молитвы. Этот миг сверхъестественного, казалось, вытащил из глубин ее сердца счастливую, удивленную девочку, увидевшую сказочный мир, о котором она когда-то мечтала перед сном. Но теперь Ари понимала, что магия – не парящие по воле колдовского слова предметы, не полёты на метле и не превращение мышей в котелки для зелий. Истинное волшебство расфасовано, выдается в ограниченном количестве, и за него всегда нужно платить.

Спустя минуту ее охватила дрожь. Интуиция подсказывала ей: что-то не так. Последний раз, когда Ари не прислушалась к ней, она так и не смогла отмыть кровь с пальто и свитера. Что же пойдет не по плану на этот раз?

Комнату тряхнуло. Свечи замигали. Пламя в ее руках подскочило выше, и Ари едва не выронила подсвечник.

– Не убирай руку! – крикнул Зевс. Его лицо оставалось спокойным, но в голосе прорезалось волнение. – Не нарушайте круг! Они не выберутся из Тартара, не причинят вред, если не нарушить круг!

«Кто эти “они”? Кто может выбраться?» Ари непонимающе смотрела по сторонам, стараясь не паниковать раньше времени.

Дверь, которую Двенадцать использовали как импровизированный стол, гнулась и скрипела. Спустя секунду она распахнулась, и Зевс едва успел отшатнуться.

Со стороны это выглядело как открывшийся черный колодец. Длинные гибкие тени выползали из него, дотягиваясь до каждого из участников ритуала. Хуже всего было то, что Ари чувствовала их прикосновения. Рвотный позыв. Горечь во рту.

Что-то пыталось овладеть ею, просовывало щупальца в глотку, мешая крику вырваться наружу. Ари хотела сбросить с себя чудовищную тень, отбежать, но не могла даже шелохнуться.

Видимо, кто-то все-таки нарушил круг, потому что создание оказалось очень даже способно причинить вред. Боль обожгла предплечье Ари. Она опустила глаза, глядя, как по рубашке расплывается уродливое кровавое пятно. Паника захлестнула с головой. Ее охватила дрожь. Дело было не в боли и не в страхе: пугало само ощущение того, что она соприкоснулась только что с чем-то ужасным, первобытным, затягивающим.

– Тифон, у тебя нет власти над нами, – крикнул Зевс. Он вцепился в молнию-подвеску так, будто она душила его, и тени-щупальца метнулись к нему.

Его лицо исказилось. Миг – и ткань у него на груди разошлась с мерзким треском. Ари содрогнулась от отвращения, когда увидела сквозь прорези мокрую розовую плоть. Тени полововали ему грудь, и багровые брызги оседали на распахнувшейся светлой мантии. На секунду Ари показалось, что Зевс вот-вот рухнет на пол, содрогаясь в конвульсиях. Гера вскрикнула и подалась было вперед, но он замотал головой, согнувшись от боли:

– Круг, держите круг! Он не выберется!

Гера отступила. В глазах у нее стояли слезы. Зевса штормило, но он упрямо держался на ногах, почти перегнувшись через хилую границу, отделяющую их от черного колодца. Он выставил ладонь, будто каким-то образом мог отогнать тени, продолжавшие наносить порезы. Другой схватился за молнию, пробормотав уже произносимые сегодня слова – но теперь их подхватили остальные Двенадцать.

– Огонь...

Ари поняла его без лишних слов, но вместо того чтобы передать свечу, сама скользнула к колодцу. Тени цеплялись за нее, душа железной хваткой. Они не хотели отпускать добычу. Но Ари не была частью круга, и это давало ей определенную свободу. Лучше так, чем если Зевс, ослабев от потери крови, уронит свечу в Тартар. Ари ткнула ему пламенем в лицо, и тени на секунду открыли его, подставляя свету – этой секунды было достаточно.

– Печать!

Все как один Двенадцать резко опустили руки на дверь и перевернули ее, закрывая. Хлопок – и повисла мертвая тишина. Вернее, она была бы мертвой, если бы не бормотание Зевса. Он непрерывно шептал, дрожа всем телом не то от боли, не то от животного ужаса. Странно было видеть предводителя Двенадцати таким... разбитым и сломленным. Ари хотела спросить, не нужна ли ему помощь, но передумала: вряд ли человек, стоящий одной ногой в могиле, способен так изощренно ругаться. Тем более, Гера явно позаботится о нем лучше.

Тяжело дыша, Двенадцать скидывали мантии, будто торопясь побыстрее от них избавиться. Подошедшая Афина похлопала Ари по плечу и принялась стирать меловые иероглифы вдоль двери. Гестия робко взяла у нее свечу и задула пламя.

Чистка была закончена.

Подошедший Дионис мимолетно дотронулся до растрепавшихся волос Ари и осторожно приподнял ткань ее рубашки, вглядываясь в порез.

– Ты в порядке, дарлинг?

Его ладони были холодными и мокрыми. Ари захотелось, чтобы он не убирал их подольше, и Дионис, будто услышав эту невысказанную просьбу, бережно притянул ее к себе.

– Все хорошо, – солгала она. – Один пластырь – и я приду в норму.

Дионис с облегчением выдохнул:

– Честно, обычно все гораздо лучше. Просто становимся в круг, говорим глупости... Но что-то пошло не по плану.

Предплечье все еще болело, но царапина оказалась неглубокой.

– Сделай одолжение, в следующий раз заранее пришли мне либретто. Чтобы знать, к чему готовиться.

– Что, уже собираешься повторить за счет заведения?

Он галантно предложил ей руку и повел к выходу. Уже у двери она услышала, как Зевс очень спокойно сказал:

– Кажется, мне надо к доктору.

И отключился.

== Весна ==

Правда была в том, что сейчас какая-то часть Ари хотела присоединиться к Чистке, несмотря на категоричный отказ. Хотела быть уже не просто наблюдателем, а частью их элитного сообщества. И, что самое важное, она хотела магию. Хотела цель и опасность, и что-то большее, чем то, что ей осталось после исчезновения Диониса. Ее избаловали пережитые с ним многочисленные истории. Реальность бледнела в сравнении с ними, и Ари не знала, что с этим делать.

«Вот на что способна магия: воскрешает человека, которым ты был, прежде чем жизнь разрушила твою веру в себя».

– Я подумаю над твоим предложением, – сказала она.

Зевс просиял:

– Всегда приятно иметь с тобой дело, Ариадна.

Мимо них пронесли носилки, на которых лежало тело, накрытое с ног до головы. Это могло значить только одно.

Кто-то не пережил теракт.

Часть 5. О заметках и прическах

Ари пожала плечами, направляя фен на густую черную шевелюру.

– Психотерапия? Зачем? Я в полном порядке.

– Сегодня во сне ты опять звала Диониса и умоляла налить тебе текилы.

«Это что-то новенькое», – подумала Ари. Она перестала спокойно спать после смерти Минотавра. Воспоминания часто заставляли ее врасплох, по ночам картины прошлого становились особенно яркими и отчетливыми. Но даже тогда она не разговаривала во сне.

– Ладно, – согласилась она. – Возможно, у меня был немного... напряженный месяц. Но зачем психолог? У меня же есть вы. Гестию выпишут со дня на день, наша святая троица снова будет в сборе.

– Ага, только мы такие же конченные, как и ты, – кивнула Афина. – Все равно что один слепой ведет другого.

Фен жалобно крикнул и затих. Ари выругалась, постучала им по столешнице. Эффекта ноль.

– Ничего себе доброе утро!

Первое, которое она начала не с набора номера Диониса и механического голоса «абонент временно недоступен». Утро, когда она решилась действовать.

«Ладно, и так сойдет. – Ари отбросила бесполезный фен. – В конце концов, не на семинар собралась, обсохнуть можно и по дороге».

– Тут твой староста пишет, – сказала Афина. – Пришли оценки за эссе.

– Ценю твое уважение к моему личному пространству!

– Сама оставила ноут на моей кровати. – Афина откинулась на подушки, зевнула. Взгляд ее блуждал по потолку. – Ладно, извини.

– Все в порядке, я шучу. Что там? Госпожа Уродливый Пиджак снова раскритиковала мою писанину в пух и прах?

– Хм... Вроде того.

При поступлении Ари хорошо сдала вступительный экзамен, препарируя предложенные тексты, как привыкла – интуитивно, не забывая разбавлять анализ общими заумными фразами. Она надеялась, что этот метод вкупе с искренней любовью к чтению и в будущем компенсирует пробелы в знаниях. Не компенсировал. С первого дня ее эссе пестрели красными пометками. Этого было недостаточно для откровенно плохого табеля, к тому же преподавательница придиралась ко всем, а у Ари не было амбиций для становления лучшим студентом – но все же это слегка задевало ее. Она-то всегда думала, что может распутать и разложить любое, даже самое сложное произведение. А в итоге не могла проделать этот фокус с собственным же эссе.

Ари отправила в рот кусок горячего тоста с сыром и вздохнула:

– Ну давай, скажи это. Я знаю, что тебе хочется.

– Я. Же. Говорила.

Ари вздохнула еще громче, но Афина была неумолима:

– Это из-за твоей темы. «Жанровая специфика литературной сказки», серьезно? Я не филолог, но даже мне все очевидно. Твоя преподашья решила, что ты просто отлыниваешь от большой серьезной работы.

– Меня поражает, когда люди отождествляют сказки с чем-то фэнтезийным, наивным и исключительно детским.

Ей всегда казалось, что под покровом сказочных историй сокрыты потаенные страхи и желания целых народов; коллективное бессознательное – вечное, пугающее, пронзительное. Сказки говорили голосами множества поколений, и, если прислушаться к ним, легко услышать

нотки ужаса перед неизведанным. Преемницы мифов, созданных на заре времен, чтобы объяснить новорожденному человечеству суть бытия и защитить его от враждебного мира.

– Лучше расскажи об этом не мне, а ей, – посоветовала Афина. – Но я могу взглянуть на твое следующее эссе, если хочешь. Две головы лучше, все такое.

Ари запрыгала на одной ноге, натягивая брюки:

– Чем я только тебя заслужила?

Афина усмехнулась и прищурила синие глаза, подставляя лицо лучам восходящего солнца. Неизменно зачесанные назад короткие волосы и выбритые виски придавали ей дерзкий, немного взбалмошный и хаотичный вид. Не стоило обманываться: в ее характере не было ничего стихийного. Она контролировала каждый жест, и Ари так и не смогла окончательно определиться, восхищало это ее или отпугивало. Они делили комнату уже два года – достаточный срок, чтобы смириться со странностями любой соседки, но с Афиной система дала сбой.

– Можем обсудить это завтра, часов в семь. Ты же не останешься у Персефоны на все выходные?

– Точно нет.

Афина взяла маркер и потянулась к своей части стены, на которой помещала исключительно списки дел. Маленький цветной квадратик – список на сегодня. Безупречно разлинованный тетрадный лист – это на неделю. И, наконец, А4, наводивший на Ари ужас объемом помещенных туда пунктов – это, само собой, на месяц.

К счастью, Афина хотя бы выкидывала эту макулатуру – в отличие от старых докладов, тестов и конспектов, которые подшивала в отдельные папки. «Возможно, когда-нибудь они понадобятся мне, но также они напоминают, как далеко я продвинулась», – пояснила она как-то, постукивая по дужке очков.

Очки. Еще один пункт в списке ее странностей – масштабная коллекция очков с разными оправами и разной формы. Вот только Афина никогда их не носила. Они были призваны выполнять скорее вдохновляющую функцию – как и зеленая винтажная пишущая машинка на столе. Как и (Ари искренне на это надеялась) разобранный автомат М16, лежавший под кроватью в непримечательной коробке.

– Кстати, могла бы просто написать Персефоне. Быстро выяснить, что у них было с Дионисом перед его исчезновением, и не тратить время и бензин на поездку.

– Разве лучшее воздействие на человека не достигается путем живого общения?

– Ого. Начинаю думать, что ты заинтересовалась ораторским искусством.

– Учусь у лучших, – подмигнула Ари. Афина умела очаровать аудиторию внимательностью и обходительностью, проявляя искусное умение использовать речь для достижения цели. Ею частенько являлся спор с каким-нибудь излишне заносчивым преподавателем, и на его месте Ари сразу пошла бы ладить петлю на гардины, потому что исход спора был predetermined.

– А бензин все равно не мой, кстати.

Словно в подтверждение ее слов, в дверь деликатно постучали. Ари метнулась обратно в ванну, пытаясь найти расческу.

– Не откроешь? Это Артемида. Ей надо в город, согласилась подбросить меня до побережья.

– А, Артемида, – скучающим тоном бросила Афина, распахивая дверь. На гостью она даже не взглянула. Между тем, там было на что посмотреть: каждое свое появление Артемида превращала в модный показ. Экстравагантный стиль ее одежды и импозантные манеры приковывали взгляд. Она любила яркие цвета и необычные принты, то завивала волосы, то выпрямляла их, то красила, а на первом курсе даже побрилась налысо. Будучи эоактивисткой, все предметы гардероба она вылавливала на блошиных рынках, забирала ненужное у других

студентов, а потом что-то сдавала на переработку, что-то перешивала и продолжала носить. Сегодня ее твидовый блейзер с пышной красной юбкой дополняли пучок и парчовое пальто.

– Ого, – протянула Артемида и оглядела высунувшуюся из ванной Ари, будто нарочно игнорируя ее соседку. – Выглядишь...

– Да, знаю-знаю, волосы – полный хаос. Это метафора моей жизни. Зато ты только краше будешь смотреться на фоне.

– Я хотела сказать, воинственно и завораживающе. И грозно.

Афина нахмурилась. Секунду спустя морщинка между ее бровей разгладилась, и лицо снова приобрело привычный оттенок сосредоточенности.

– Ого... – Ари опешила. – Спасибо! Но и просто «мило» было бы достаточно, правда.

– Мило, – повторила Артемида. Она пожевала губами, будто пробуя слово на вкус. – Не-а, не люблю это наречие. Отдает патриархатом, объективизирующим нашу внешность, тебе так не кажется?

Это не приходило Ари в голову, но Артемида поддерживала идеи радикального феминизма, так что она не стала спорить.

– Я только пальто найду.

– Давай, там холод собачий. А еще весна, называется. – Она нехотя повернулась к Афине:

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Пауза.

– Говорят, через неделю возобновят пары. Может, и наш особняк скоро отремонтируют.

Афина сдержанно кивнула:

– Подрывники были на удивление аккуратны.

Дом их сообщества действительно не сильно пострадал: только сбоку, на месте, где когда-то было кафе, зияла черная дыра, отгороженная лентами. Но им все равно запретили там собираться, и теперь члены Двенадцати все выходные околачивались в общежитии, стараясь не думать о том, что теракт унес жизнь человека, которого многие из них хорошо знали. И о том, что каждый, посетивший «Оракул» тем вечером, мог оказаться на его месте.

– Приходится пока торчать тут. Может, хоть через пару дней погода разгуляется.

– Точно. По радио передавали, что крокусы будут отлично цвести.

Неловкость, повисшая между ними, казалась почти осязаемой. Они даже говорили так, будто читали заранее заученный текст.

– Не думала, что ты слушаешь передачи о природе.

– Какой-то маразматик из второго корпуса врубил приемник на всю громкость. Я решила, что хоть кто-то из нас может извлечь пользу из такого необычного знания. Ты, например. Это вполне справедливо.

Артемида хмыкнула, постучала обутыми в кеды ступнями. Рядом с Афиной всем сложно чувствовать себя уютно и нормально: она всегда выглядела строго и одновременно роскошно.

– Как у тебя получается сразу и похвалить, и в душу плюнуть? – спросила она без наезда, с искренним любопытством.

И Афина отвела взгляд. Афина. Отвела. Взгляд.

От шока Ари едва не выронила рюкзак и сделала глоток горько-приторного остывшего кофе.

– Что это было? – спросила она у Артемиды уже по пути к автомобилю.

Та пожала плечами:

– Жизнь.

Часть 6. О гранатах и флешках

Персефона прикрыла глаза. Ей должно было здесь нравиться: утреннее солнце, запах апельсинов и мяты, журчание питьевого фонтана, громкие разговоры во дворе. В конце концов, это был ее дом. Но ей не особо нравилось.

– У нас... у нас что-то изменилось? – наконец спросила она у матери.

– Помимо того, что ты стала носить черный, который совершенно не к лицу такой миловидной, цветущей девушке? Я даже не знаю.

– Мам, не начинай.

Деметра придвинула к ней травяной чай с полукружием лимона.

– И в мыслях не было.

На черный Персефона и правда перешла как-то спонтанно. Ладно, может, не совсем спонтанно, но всем так или иначе хочется отрицать влияние на свою личность. Думать, что сознание полностью независимо от чужих идей, хотя это невозможно. В меньшей или большей степени, все люди – даже самые свободомыслящие, даже блестящие новаторы – подвержены воздействию. Но Персефона все равно предпочитала думать, что просто одним холодным вечером, прежде чем отправиться в Царство, обнаружила перед зеркалом себя, покрывающую губы темно-красной, отдающей черным, помадой, купленной три года назад на распродаже и еще ни разу не использовавшейся.

== Зима ==

– Как я выгляжу? – поинтересовалась она у соседки, с которой делила комнату во время программы обмена. Из-за нее все помещение пропахло парфюмом с ароматом роз, и Персефоне это ужасно нравилось.

– Как вампирша. Или как очаровательная покойница.

– Идеально!

Афродита едва не подавилась от изумления. Даже приглушила нежный инди-поп, под который делала домашнее задание.

– У тебя кто-то появился?

– Что? Нет. Только волонтерский проект. – Она усмехнулась, поправляя изящную вязь старомодного воротничка. И добавила:

– Мы пока немного... не сходимся характерами.

Дита задумалась на секунду, вытирая с запястья следы чернильного пятна. Ее полные губы изогнулись в улыбке:

– Мне кажется, это норма. У меня один парень – адекватный, второй – долбодятел. С одним вообще не ругаемся, второго периодически хочется обоссать и сжечь. А я где-то посередине. Думаю, так и работает вселенская гармония.

«У нее два, а я с одним-то разобраться не могу», – думала Персефона по дороге в Царство, перешагивая мерцающие сугробы, над которыми еще не успели поработать дворники. Где-то вдалеке звенел колокол. Возле моста она остановилась, заметив знакомую худощавую фигуру.

Она залюбовалась тем, как внимательно Аид всматривался в каждую страницу, переворачивая их пальцами в черных перчатках, как его лоб испещряла глубокая полоса задумчивости. Будто невольно стала свидетелем интимного ритуала – близкого общения читателя с содержанием книги и с собственными переживаниями.

Поравнявшись с ним, она спросила:

– Не холодновато для чтения?

Он покачал головой:

– Я кое-кого жду. – И указал подбородком на Сизифа, бродящего с телефоном у подножия башни. – Нужно время скоротать.

– Большинство в такой ситуации просто первыми подошли бы и поговорили.

Аид уязвленно приосанился:

– Да, но я – не большинство.

– Скромность – твоя лучшая черта.

Он нахмурился, убирая книжку во внутренний карман пальто. Другой рукой он держал аж три поводка с черными псами. Те тихонько ворчали, но сидели смирно.

– Какие милашки, – улыбнулась Персефона, нагибаясь к ним. – Я-то думаю, кто там лает под окнами, пока я списки книжек составляю...

Пока она трепала их шеи, лицо Аида искажала сначала гримаса беспокойства, потом – ужаса и, наконец, облегчения. Какого-то ревнивого облегчения.

– Ты им вроде как нравишься, но последний раз они ели вчера. Не уверен, что это хорошая идея, если тебе дороги пальцы.

Она пожала плечами, зная, что ее невозмутимость заденет его еще больше.

– Тот парень у башни тебе задолжал?

– Угу.

– Как насчет «понять и простить»?

– У меня тут не благотворительный фонд. Я бизнесмен. Ни больше, ни меньше.

Она кивнула:

– Ясно, просто хочешь назад свои деньги. Я тогда пока пойду в Царство, проверю секцию...

– Дело не в деньгах, – перебил он.

– Тогда чего же ты хочешь, Аид?

Он опустил голову, гипнотизируя взглядом свои начищенные туфли.

«Тебя, – непрощено подумала Персефона. – Нет, правда, скажи “тебя”, потому что мы же оба знаем, у тебя это уже месяц на языке вертится».

Вместо этого он сказал:

– Чтобы меня оставили в покое и не задавали глупых вопросов. Но не все в этой жизни идет так, как нам хочется.

Она легко скрыла нотку разочарования, снова погладив одного из «тройняшек».

– Перестань ты его тискать! Только имидж мне портишь, – прошипел Аид, резко выпрямляясь: злополучный должник перестал терзать мобильник и теперь направлялся к ним, не выражая, впрочем, особого раскаяния.

– Дикую охоту в этом году объявили раньше? – пошутил Сизиф, подходя чуть ближе, но все же сохраняя почтительное расстояние.

Ни один мускул не дрогнул на бледном лице его кредитора. Не то чтобы у Аида было плохое чувство юмора – у него его вообще не было.

– Что-то ты давно ко мне не заходил, я заждался.

– Ты сказочно гостеприимен, Аид. Не хотел злоупотреблять.

– Знаю, тебе даже особо стараться не приходится, но хватит косить под дурачка.

Сизиф со вздохом закатил глаза. Идеально пошитый костюм и очки в тонкой золотой оправе придавали ему вид строгий и благообразный.

– Аид, я все верну. В чем проблема? Тебе деньги нужны, как рыбе зонтик. Я тебя знаю.

– Знаешь? На самом деле никто никого не знает, Сизиф. Каждый человек – это сейф, хранилище тайн и стремлений.

«Капитан Очевидность», – подумала Персефона, переминаясь с ноги на ногу. Ей не нравился этот разговор. Что за игру вел Аид? Доводить дело до мордобоя обоим невыгодно: Персефоне уже успели рассказать, что в стенах Эллинского университета на этот счет строгие правила. Собак он, вероятно, притащил больше для создания соответствующего напряжения: чудо, что декан в принципе закрывал глаза на их существование, не хватало еще, чтобы они отгрызли Сизифу жизненно важные органы. Какие еще рычаги влияния могут быть у Аида? Ну скажет он Сизифу, что подаст в суд. Ну получит спустя год свои деньги. Принесет ли ему это моральное удовлетворение? Персефона хмыкнула. Трижды нет. Тогда что?

– Но о собственных стремлениях лучше все-таки никому не рассказывать. – Аид будто бы с неохотой пошарил в кармане, вытащил книжку, медленно-медленно раскрыл ее на середине и продемонстрировал малюсенькую флешку. – Совет на будущее.

Во взгляде Сизифа горели изумление и гнев.

– Да, пожалуй, все твои труды будут бесплодными, – с напускным сочувствием произнес Аид.

– Самодовольная, хамоватая скотина. Садист ты двинутый...

Пожалуй, тут Сизиф немного драматизировал. Хоть Аид и выглядел как мрачный садист с безупречным стилем, он в первую очередь оставался вежливым, сдержанным бизнесменом. А уже во вторую – мрачным стильным садистом, да, тут не поспоришь.

– Глубоко шокирован, но наши мнения совпадают. И я бы сказал, что на этой флешке твоя жизнь, но это слишком пафосно. Всего лишь диссертация, которая уже весной должна стать твоим триумфом. То есть могла бы им стать.

Персефона присвистнула от восхищения. То, что Сизиф шесть лет писал диссертацию, знали все. То, что каждые выходные он проводил за стопками книг и индексными карточками, – тоже. Но о том, что он оказался настолько глуп, чтобы хранить ее единственный черновик на единственной флешке, не знал никто. Вот ведь дурачье!

– Выглядишь не очень, Сизиф.

– С чего бы? Я в норме.

Лицо было встревоженное, взгляд – обеспокоенный, пальцы нервно барабанили по портфелю.

– Как ты вообще ее... – Он тут же осекся. – Гермес. Этот ваш ручной воришка...

– Выгодно принадлежать сообществу с такими талантливыми студентами. Так как насчет доступа к твоему счету? Эту штуку очень легко уничтожить. С большим сожалением, разумеется.

Сизиф беспомощно посмотрел на Персефону.

– Уничтожит, – хмуро подтвердила она, вздрагивая. Пронизывающий ветер спутывал ее волосы и забирался под пальто. Хотелось поскорее добраться до укрытия и свернуться клубком в каком-нибудь огромном кресле.

Сизиф дрожащими пальцами разблокировал телефон, потыкал в экран.

– Готово, – сообщил он. Лицо его исказилось.

– Клянусь, в этом нет ничего личного. – С глубоким вздохом Аид передал ему импровизированную заложницу.

– Теперь есть. Я постараюсь забрать у тебя самое дорогое.

Они подождали, пока Сизиф, сгорбившись, не пошел в сторону второго общежития, чьи освещенные окна, казалось, холодно и насмешливо разглядывали его.

– Вот же он удивится, узнав, что флешка никогда не покидала его портфель, – вкрадчиво сообщил Аид.

– Так ты блефовал!

– Просто дубликат.

Она начала смеяться и тут же осеклась:

– Это ужасно, да? То, что я смеюсь над этим? Ну и лицо у него было!

Аид долго смотрел на нее, но из-за серых сумерек она не могла определить, что выражал его взгляд.

– Ты не скажешь, что это кошмар или что-то в этом роде? – поинтересовался он.

– Хм... Не скажу. Мне уже почти нравится твоя работа.

– У меня тут по чистой случайности открыта вакансия.

– Вот это удача. А как у вас с отпускными?

– Вероятно, они присутствуют. Сложно сказать, я в жизни не брал отпуск.

– И выходные?

– И выходные.

– Что ж, тогда сейчас самое время взять выходной.

Когда они дошли до дома Двенадцати, ветер стих, ночь окончательно затопила улицы, а кампус обезлюдел, став похожим на свою же фотографию в брошюрке для абитуриентов.

– А почему мы не в Царстве? – спросила Персефона, едва сбросив тяжелые ботинки и забравшись с ногами в кресло. Плед, расшитый пуансеттиями, она обнаружила на спинке.

– Сегодня особенный вечер, тебе не кажется?

– Нет.

– Они еще про меня говорят, что я не умею поддерживать разговор...

Персефона картинно вытаращила глаза и округлила рот:

– Кто говорит? Наверное, они тебя с кем-то спутали!

Не отвечая, Аид пошарил в ящике письменного стола, вытащил два бокала и потемневшую бутылку, молча откупорил ее.

– Я не пью. – Она потянулась, на секунду высунув ногу из-под пледа. И ей понравилось то, как Аид обжег взглядом ее кожу.

Жидкость в бокале напоминала рубин с блестящими гранями и клубящейся в глубине тьмой.

– Ладно, давай и мне чуть-чуть. Что это вообще?

– Что-то из граната, – туманно заявил он.

– Вино или сок?

– Теоретически сок, но его принес Дионис, так что на твоём месте я бы не сильно надеялся.

Она сделала маленький глоток и резко опустила бокал на столешницу:

– Быть не может!

– Что?

– Ты улыбнулся!

– Ничего подобного. – Аид резко отвернулся и зашагал по комнате. Персефона, воспользовавшись моментом, встала, чтобы поближе рассмотреть керамические горшки с зеленью на полках. Растения она любила с детства. Уже несколько лет коллекционировала ботанические открытки с названиями цветов на латыни. Всегда с нетерпением ждала первых зеленых красок природы, вырисовывающихся на полотне оттаявшей земли. И, когда она приехала сюда, ее неприятно удивило, что ни в одной аудитории не было хотя бы фикуса. Только в Царстве на подоконнике чах бледный цветочек, выглядевший настолько вяло, что им не прельстилась бы и голодная коза.

– Кто за ними ухаживает?

– Не знаю. Возможно, Гестия. – Аид так неслышно подошел сзади, что она вздрогнула.

– Скажи ей, что на сквозняке у фаленопсиса лучше не опрыскивать воздушные корни. Он может погибнуть от переохлаждения. И вода не должна попадать в листовую розетку. С ним нужно очень аккуратно.

– Может, тогда проще не обращать на него внимание?

– Почему? – Персефона провела подушечкой пальца по лепестку. Глубокий фиолетовый оттенок. В средневековой Европе, когда умирал монарх, придворные в знак траура надевали одежду такого цвета.

Аид молчал.

– Почему? – повторила она.

– С ним как-то много хлопот.

Она рассмеялась:

– Как и с тобой.

Тогда она не захотела себе признаваться в этом, но ее сердце переполнила невыносимая легкость, когда он приподнял ее выбеленные волосы и невесомо прижался губами к затылку. Что Персефона осознала уже тогда, так это то, насколько тот вечер был особенным. Действительно особенным, Аид был прав.

Потому что тогда она впервые почувствовала свою власть над ним, и это ей понравилось.

– Тут еще есть такие? – Она отняла руку от лепестка. – Пошли, устройшь мне экскурсию.

Они обошли весь дом, который изнутри был гораздо больше, чем казалось снаружи. Бродили по скрипучей лестнице, по темным комнатам и коридорам, разглядывали голубоватые суккуленты, переполненные книжные полки и портреты основателей университета, облаченных в атлас, бархат и драгоценности. Потом они обсуждали вполголоса найденный на втором этаже «Дневник одного гения» в мягком переплете, и Аид доказывал, что Дали лишь честно фиксировал все, что происходит в человеческой психике в печальном состоянии сна разума. Потом они в порыве любопытства зашли в полуподвальное помещение с заевшим замком, ключ от которого кто-то любезно оставил на тумбочке.

А потом они, с трудом передвигая ноги, вышли через другую дверь и сели прямо на холодную землю.

Персефона не знала, что случилось. Она знала только, что видела. Она помнила сцену, и лампы странной формы, и едва уловимый запах сигарет. И тени, и голоса.

– Что это? – прошептала она, дрожа всем телом. – Они все умерли?

Аид только покачал головой.

== Весна ==

Тогда увиденное там настолько потрясло их, что они поклялись не рассказывать об этом никому. И никогда не вспоминать. А сегодня Персефона узнала, что вчера то место взорвали.

Она услышала звук подъезжающего автомобиля прежде, чем он достиг выложенной гравием дорожки, ведущей к воротам.

Из машины вышла Ариадна.

Часть 7. О перестрелках и бывших

Опустив стекло, Ари высунулась из машины. Солнце плыло над горами, освещая неправдоподобно зеленые луга. Чем ближе автомобиль подъезжал к побережью, тем теплее становился ветер, и каждое его прикосновение казалось лаской, быстрым поцелуем. От пронизывающего утра не осталось и следа: теперь это был один из весенних дней, когда дышать воздухом – все равно что пить шампанское. День, который любит тебя.

– Только закрывай осторожно, – сказала Артемида, когда Ари наконец откинулась на спинку сиденья и потянула за рычаг. – Брат его окончательно доломал на прошлой неделе, на соплях все держится.

– Как он там? – осторожно спросила Ари, надеясь, что вопрос не прозвучал бестактно. О том, что Аполлон в недавнем теракте потерял важного ему человека, знали уже все.

– Не волнуйся. Я дам ему хорошего пинка к здоровью и процветанию.

Ари покорибли эти слова. Конечно, родственники не обязаны делить друг с другом все проблемы, но хотя бы минимальная поддержка казалась ей уместной. Заметив выражение ее лица, Артемида печально улыбнулась:

– Наверное, ты думаешь, что я веду себя с ним как последняя стерва.

Вместо ответа Ари сделала вид, что крайне увлечена разглядыванием фигурки оленя, болтающейся на зеркале заднего вида.

– Он безответственный дальше некуда, понимаешь? Там уже просто пробита стратосфера, но ему как будто все мало.

– Аполлон? – Ари не поверила своим ушам. – Он же чертов гений!

– Но у этого гения почему-то иногда отсутствует мозг. Точнее, не иногда. Точнее, постоянно.

Конечно, Артемиде было виднее, что за человек ее братец, но Ари он никогда не казался разгильдяем. Одаренный студент филологического факультета, талантливый поэт, страстный любитель поиграть и на гитаре, и на старинной лире, выкупленной у местного антиквара за бешеные деньги. Аполлон походил на фотомодель из рекламы мужского белья, и многие девушки и парни были влюблены в него до беспамятства. По пятницам он устраивал вечеринки или поэтические вечера, а затем за субботним завтраком Ари с соседками гадали, с кем же на этот раз он придет в столовую. У него был отдельный стол, где кучковались товарищи и поклонники, которые внимали его комментариям по поводу студенческих новостей и, как и он, постоянно надевали солнцезащитные очки. Афина с издевкой называла это представление «шоу золотого мальчика». Золотой мальчик. Человек-солнце. И еще миллион прозвищ для одного из самых продуктивных и притягательных людей в студенческом городке.

– Я тысячу раз просила... нет, я почти умоляла его перестать молиться на этого вашего Гиацинта. Чувствовала, что до добра это не доведет. И он тысячу раз просто смеялся надо мной. «Ты, сестренка, с виду вся такая образованная. – Артемида понизила голос, передразнивая Аполлона. – Но как дело доходит до моего интереса к истории искусств, сразу превращаешься в ворчливую каргу». В итоге мы вообще перестали общаться, и сегодня в город он с нами отказался ехать... А я знала, что так и будет, что эта одержимость знаниями отвлечет на него повлечет. Просто не предполагала, что таким... э-э... необычным способом.

Резкий звук прервал ее возмущенную тираду, и Артемида инстинктивно дернула руль вбок, громко чертыхаясь. Ари вздрогнула. Безошибочное чутье заставило ее тело среагировать раньше, чем мозг сумел проанализировать ситуацию, и она повалилась на пол, стараясь не поднимать голову.

Сердце бешено колотилось.

Она слышала этот звук раньше. Она не могла ошибиться! Все еще надеясь на игру воображения, Ари обернулась. Так и есть: отверстие, окруженное трещинами, расползшимися по стеклу заднего вида. И почти идентичная картина впереди.

– Какого... – Артемида ошарашенно огляделась, и ее лицо пошло красными пятнами. – В нас что, стреляют?

– Пригнись! – заорала Ари, съезжившись еще сильнее, но та будто не слышала ее. Голубые глаза сверкали. Сжав губы и сдвинув густые брови, Артемида, казалось, лихорадочно придумывала какой-то план.

– Посмотри, они едут за нами?

Ари осторожно высунулась из-за кресла. Ни души, только черный внедорожник неотрывно следовал за ними – на почтительном расстоянии, что выглядело почти издевкой. Обычная машина, каких множество, разве что с треснутой фарой. Взгляд зацепился за эту деталь, и Ари ощутила, как внутри поднимается что-то темное и яростное. Будто где-то среди ее внутренностей притаилась змея, которую почти не волновала смертельная опасность, но которая вскинулась при одном взгляде на машину.

– Они же не прострелят двигатель? – допытывалась Артемида, не снижая скорости. Автомобиль постоянно заносило вбок. – Мы не взорвемся?

– Ну... Нет? – Хотела бы Ари вложить в ответ больше уверенности и меньше вопросительной интонации, но получилось не очень.

– Тогда поддержи-ка руль!

– Что? Твою мать! Да ты с ума сошла! По-твоему, я умею водить?

– Сейчас научишься. Ну же! Давай, руку вот сюда...

Последний раз Ари была за рулем лет пять назад. Тогда они с одноклассниками, изрядно напившись, угнали «Роллс-Ройс» у отца их главного заводилы и дружно пытались развернуть машину в противоположную сторону. Растолкав приятелей, Ари лихо забралась на водительское сиденье, пытаясь сообразить, как управлять этой машиной. Появление на крыльце владельца автомобиля придало ей невероятную изобретательность. По идее, пули должны были произвести такой же эффект. Борясь с искушением зажмуриться от ужаса, Ари крепко вцепилась в руль.

– Хорошо, что уже заряженный... – пробормотала Артемида, копошась в бардачке.

– Серьезно? Что у тебя там делает пистолет? Стоп, подожди, ты же не собираешься...

– Видишь, пригодился. Пожелай мне удачи! – Она высунулась в окно, треснув Ари ногой и на секунду загорюдив обзор своей пышной красной юбкой.

– Как тебе такое, засранец? А?

Выстрелы над головой пробуждали желание затормозить, распахнуть дверь и нестись куда глаза глядят, лишь бы подальше от этой проклятой трассы. «Но снаружи они перестреляют нас за минуту», – обреченно подумала Ари.

– Уже не так весело? погоди, сука, прострелю колеса, тогда и поговорим!

Вспотевшие ладони соскальзывали, и Ари молилась всем известным ей святым, чтобы Артемида действительно была хотя бы вполовину настолько меткой, насколько ей казалось. Маленький ветхий автомобиль петлял и трясся.

Гул и грохот оповестили о том, что по ним снова открыли огонь. Артемида сделала последний выстрел и ловко юркнула обратно. Ее грудь тяжело вздымалась, лицо побелело, но она довольно рассмеялась, почти сразу подавившись кашлем. В салоне повисла тишина.

– Оторвались?

– Похоже на то.

Облегчение нахлынуло так резко, что Ари едва не выпустила руль.

– Ты что, прострелила ему колеса?

– Я никогда не промахиваюсь.

– Ты... Ты просто...

– Потрясающая?

– Хм. – Ари сделала вид, что задумалась, потирая лоб. – Совершенно точно!

Артемиде просияла, небрежно швырнув пистолет обратно в бардачок. От перевозбуждения Ари хотелось и плакать, и смеяться одновременно.

– Да уж. Заработать психическое расстройство – такого пункта не было в моем списке дел на сегодня.

– Давай-ка сюда, я поведу... Честно, я думала, так только в фильмах бывает. Знаешь, все эти глупые боевики, которые нравятся мужчинам среднего возраста. Если хотели убить нас, не проще ли было просто заранее перерезать тормоза?

Ари не отвечала. Облегчение сменилось паранойей. Теперь казалось, что передышка временная и сейчас злобный автомобиль появится снова, чтобы довести дело до конца.

– Среди бела дня, – продолжала Артемиде, покачивая головой. Ее голос звучал звонче обычного, по коже разлился румянец. Вид охотницы, только что обнаружившей подстреленную добычу. – А вдруг здесь были бы свидетели? Хотя, может, им и нужны были свидетели...

Ари рассеянно кивнула:

– Чтобы, когда наши хладные трупы увезет катафалк, копам показали пальчиком на загадочный черный внедорожник. И пока шли бы поиски, настоящий организатор преступления скрылся, как ни в чем не бывало...

Что-то не давало ей покоя. Разбитая фара, чертова разбитая фара... Она вздрогнула.

– Что-то случилось? – Артемиде обеспокоенно покосилась на нее. – Если укачивает... А, черт с ним, ладно, блей в салон. Все равно придется отдать на ремонт в городе.

– Нет-нет, все в порядке. Просто вспомнила кое-что.

– Например?

– Например. – Ари прочистила горло. Она хотела сказать это вслух и одновременно боялась, будто так ее слова могли стать реальностью. – Мне показалось, что в нас стреляли из машины моего бывшего.

– В нас стрелял твой бывший? – ахнула Артемиде.

– Просто похожая машина. Он мудак, но не настолько...

«Почему же. – Темная змея внутри снова начала разворачивать кольца. – Как раз наоборот, именно настолько».

Артемиде на секунду мягко сжала ее руку:

– Нахуй мужиков. Я тебе это уже говорила?

– Хм... Нет, не думаю.

– Вот, теперь говорю. Ничего. По крайней мере, сегодня мы победили, кто бы там ни был за рулем этой колымаги.

Ари вяло улыбнулась. «Пошел нахрен, Тесей. Ты больше не заслуживаешь того, чтобы быть в моих мыслях».

Хотя опасность миновала, автомобиль не сбавлял скорость, карабкаясь все выше по склону. Пейзаж, влюбивший в себя местную богему, постепенно окрашивался голубовато-серыми тонами, и ветер оставлял на губах привкус соли и запах цветов, налитых медом солнца.

Машина затормозила у дорожки из гравия.

– Наша Перси богато живет.

– Выйдешь поздороваться?

Артемиде любовно похлопала по приборной панели:

– Как-нибудь в другой раз. Поеду ремонтировать свою маленькую Лань.

– Лань?

– Ну знаешь, хорошая скорость, все такое. Пережила перестрелку и унесла нас от этих мудаков. Думаю, так я ее и назову.

– Классное имя. Спасибо, что... – Ари замялась, подыскивая нужные слова.

– Подбросила?

– Не дала умереть.

– А, это. Обращайся, если что. – Она подмигнула на прощание.

Ари забросила рюкзак на плечо и вывалилась из машины, с трудом восстановив равновесие. У нее все еще тряслись коленки, но зелень кипарисов и шум волн оказывали успокаивающее воздействие.

Вышедшая Персефона помахала рукой, быстро ставя на крыльцо чашку, от которой шел пар. Ее шелковое черное платье и пушистый белый свитер, защищавший от холодного ветра с моря, совершенно не сочетались, но на ней отчего-то выглядели притягательно. «Подлецу все к лицу», – подумала Ари. Несправедливо, конечно. Персефона никогда не была подлецом. Себе на уме? Возможно. Но кто из них не без греха?

– Как дела?

– Напряженно.

– У тебя стекло в волосах, кстати.

– Что? – Ари провела по прядям и, почувствовав, как кольнуло подушечку пальца, нагнулась, трясая головой из стороны в сторону. Стекло крошечка посыпалась на гравий. – Погони и перестрелки, – весело пояснила она, ожидая потока вопросов, но Персефона если и удивилась, вида не подала. Ей явно было любопытно, зачем бывшая соседка по кампусу явилась в такую даль, но из вежливости она сдерживала расспросы.

– Хочешь что-нибудь поесть? Выпить? Пойдем в дом или спустимся к морю?

Как ни маняще выглядел трехэтажный особняк с панорамными окнами, из открытой двери которого лились приглушенные звуки джаза, Ари все же предпочла прогулку по пляжу. Море, на один оттенок темнее неба, повисшего над горизонтом дымовой завесой, завораживало. Правда, оно еще и вызывало у Ари воспоминания о смерти Минотавра на скалах у побережья. Но не могла же она всю жизнь бегать от них?

– Красиво тут у вас.

– Немного голливудского шика, вкрапления Art Déco, элегантность и модерн. Или ты про пейзаж?

– Про все. Смотрю, ваш дом ближе всех к берегу.

– Мама любит природу и не любит соседей.

Ари подобралась:

– Семела правда была твоей соседкой?

Персефона молчала так долго, что Ари показалось, что свист ветра заглушил ее вопрос.

– Что-то происходит, – наконец сказала она очень тихо.

– В каком смысле?

– Сначала Семела умирает, упав с лестницы после бурной вечеринки. Потом ко мне заявляется Дионис с какими-то странными идеями о том, как оживить ее. А теперь ты. – В ее голосе зазвенела неожиданная сталь. – Так что же происходит, Ариадна?

– Я... – Ее властный тон сбил Ари с толку, вынуждая подыскивать оправдание, будто она была преступницей. – Мне просто нужны ответы. Пытаюсь понять, как далеко зашел Дионис, прежде чем пропал без вести.

Персефона отвернулась.

– Да, она была моей соседкой. Видишь вон тот домик? – Она указала вправо, перегнувшись через перила лестницы, ведущей к каменистому берегу. – После выпуска из вашего колледжа Семела стала неплохим специалистом. Писала книги. Ей нравилось пару раз в году устраивать вечеринки, куда стекались местные со всего побережья. Ты бы видела, какая там

роскошь... Гэтсби⁶ нашего времени. Знаешь, я совсем не удивилась, когда узнала об их дружбе с Дионисом. У него явно был хороший учитель.

Прищурившись, Ари смотрела на далекий очаровательный дом с красной крышей, похожий на слегка размытую акварель. Казалось, чем дольше она всматривается, тем больше призрак Семелы, которую она видела лишь раз, наливается жизненной силой, обретает плоть и кровь, становясь чем-то большим, чем тире между двумя датами на надгробии.

– Так о чем же он спрашивал тебя? – внезапно севшим голосом прошептала Ари.

И Персефона начала рассказ.

⁶ *Гэтсби* – загадочный человек, устроитель масштабных вечеринок, о размере богатств которого ходит много слухов. Герой романа Ф. С. Фицджеральда *The Great Gatsby*, самого знакового произведения «эпохи джаза».

Часть 8. О смерти и экспериментах

== Зима ==

Первые дни после смерти Семелы были наполнены вязкой, удушающей тишиной. Они предназначались ветру, шелестящему в голых ветвях, негромкому шуму наполовину замерзшей реки. Казалось, любая беседа, едва начавшись, тонула в белой пелене непрекращающегося снегопада за окном. Оттого стук каблуков и громкие слова, прозвучавшие с порога Царства, заставили Персефону вздрогнуть:

– Привет, не помешаю?

Дионис приподнял черные очки, и его блуждающий взгляд будто нехотя сфокусировался на ней. В дни траура он расхаживал по кампусу в бледно-розовом клетчатом костюме и футболке с надписью «dead end» – видимо, это была пощечина общественному вкусу и прогнозам метеорологов, смысл которой Персефона плохо понимала. Да и сам Дионис с его образом жизни, повадками, артистизмом был ей чужд. Он казался слишком изменчивым, таким алхимическим соединением легковоспламеняющихся эмоций. Поэкспериментируй – и получится либо драгоценный металл, либо экологическая катастрофа.

– Конечно, заходи. Как ты? – Идиотский вопрос. Как можно себя чувствовать после гибели подруги? К счастью, Дионис сам сгладил конфуз, отшутившись в своей привычной манере:

– Ничего. Хотел бы вскрыться и проверить печень. Удостовериться, что она все еще держится. Ну, знаешь.

– Что ж, в этот раз ты хотя бы закусываешь. Хоть и пончиками.

– Какими пончиками?

– Я вижу сахарную пудру у тебя на футболке.

– Это кокаин.

– Оу...

– Шутка, это и правда пончики. На этот раз.

Не зная, что ответить, она похлопала по подоконнику, приглашая Диониса присесть. Он опустился рядом, бросив быстрый взгляд на сборник в ее руках, испещренный сделанными в впопыхах пометками.

– «Цветы зла», – прочитал он вслух, убирая очки во внутренний карман пиджака. – Кажется, Бодлера судили из-за них. Что-то насчет богохульства и нарушения норм общественной морали, ты знала об этом?

Вблизи он казался уставшим. Черные круги под покрасневшими глазами, разбитые костяшки, развязанные шнурки. И вечно взъерошенные волосы и ухмылка «души компании» – их Персефона видела и раньше, но сегодня привычные детали его облика складывались в какой-то неприятный, зловещий ребус. Ей не нравился этот нескладный диалог.

– Знала, – ответила она ровным голосом, размышляя, почему он явился сюда. – Это же написано в предисловии.

– А я никогда не читаю предисловия. Только если книга очень понравится, если финал будет неожиданным... Хотя с меня, кажется, хватит неожиданных финалов после этой чертовой вечеринки. На целую вечность вперед хватит.

– Соболезную твоей утрате, – быстро сказала она.

Это было ложью. Персефона честно искала в сердце сочувствие к покойнице, но лишь в очередной раз пришла к выводу: смерть не пугала ее. Течение времени казалось понятным

и логичным, оно вихрилось месяцами, годами, столетиями, исчезая неравномерно, но все же неумолимо быстро. Люди и растения, города и эпохи, величественные храмы и жалкие лачуги – все рассыпалось на атомы, перемешивалось и сплеталось в новых формах и видах, чтобы обратиться в прах снова. Она думала, что будет бояться смерти после их с Аидом приключения в том небольшом темном кафе. Но нет: и цветение, и тление по-прежнему обладали в ее глазах определенным очарованием. Все предопределено.

«Смерть поймет всех».

Она не хотела выдавать отсутствие жалости и опустила взгляд, сильнее натягивая рукава свитера, обхватила книгу двумя руками. Но Дионис лишь слабо улыбнулся – едва-едва поднимая уголки губ, так, будто все про нее понял и не осуждал.

– Хотел спросить кое-что. Помнишь, на вечеринке мы немного... – он побарабанил слегка дрожащими пальцами по колену, – экспериментировали с напитками?

– Точнее, это ты экспериментировал, а мы просто были подшофе и согласились попробовать.

Он поморщился, покачал головой, вздохнул, с деланой неуклюжестью полез в карман – на секунду Персефоне показалось, что она смотрит хорошо продуманный спектакль.

– Спрошу прямо. Что из этого может вызвать кому?

Она бережно взяла смятый лист, провела ногтем по списку, остановившись на шестой строчке.

– *Conium maculatum*⁷. Только не говори, что ты давал нам это дерьмо... Стоп, ты давал нам это дерьмо?

– Нет, нет. – Засмеявшись, он отвел взгляд. – Ты ведь еще не парализована, разве не так?

Персефона холодно улыбнулась, придвинувшись чуть ближе, так, что можно было увидеть запекшуюся кровь на его потрескавшихся от холода губах.

– Я буду честной, Дионис. Ты производишь впечатление того второстепенного персонажа, который всю дорогу балагурит и развлекается, как может, а в финале оказывается, что он замышлял едва ли не государственный переворот и все это время просто отвлекал внимание главных героев.

– Мне нравится твой поэтический слог, но, – он по-мальчишески трогательно склонил растрепанную голову набок, его глаза нездорово заблестели, – у тебя разыгралось воображение. Я не главный герой и не второстепенный. Просто тот персонаж, которому остался лишь один толчок, еще одна трагедия до того, чтобы превратиться в злодея, так что...

Персефона вздрогнула от стука – книга соскользнула с колен на пол, и Дионис нагнулся за ней, не разрывая зрительного контакта.

– Шучу, Перси! Не воспринимай все слишком серьезно. Не все так плохо.

– Конечно. – Она понимала, что, очевидно, все было не просто плохо, а ужасно. Взяла похолодевшими пальцами книгу, кивнув в знак благодарности. – Но ты ведь сейчас не просто выдумываешь рецепт для нового коктейля. Зачем тебе экскурс в ботанику?

Дионис посмотрел куда-то поверх ее головы, пожевал губами, будто на секунду задумавшись, стоит ли вообще говорить с ней дальше.

– Мне нужно попасть на Сайд.

У Персефоны перехватило дыхание. Липкий кошмар воспоминаний нахлынул с новой силой, и она резко поднялась на ноги. «Спокойно, – напомнила она себе. – Может, это только у тебя с Аидом было неудачное путешествие на ту сторону. Может, это вообще была случайность и другого мира, который вы увидели, не существует».

⁷ Болиголов пятнистый. В Древней Греции его использовали как «официальный» яд, которым отравляли осужденных на смерть. Считается, что ядом болиголова были отравлены Сократ и Фокион.

– Хочу повторить состав того, что получилось на вечеринке, – продолжал Дионис. – Желательно так, чтобы был тот же эффект, но при этом мне не пришлось падать с лестницы и разбиваться насмерть, как Семеле. Химия мне легко дается, смогу что-то придумать. Но небольшой совет все-таки не помешал бы.

«Обычно так оно и бывает: за все, что легко получается, приходится очень дорого платить». Вслух она сказала:

– При неудачном выборе дозировки *Conium maculatum* ты в итоге как раз захочешь упасть с лестницы, лишь бы побыстрее отойти на тот свет. Возможно, я смогу что-то посоветовать, если увижу картину целиком.

Молчание. Когда тиканье часов среди библиотечной тишины начало действовать на нервы, Персефона настойчиво повернулась к собеседнику:

– Не знаю, заметил ты или нет, но я правда хочу помочь.

«Нет, неправда. Тебе просто любопытно, потому что ты была на Сайде и столкнулась с неизведанным, а твоя природа не любит нерешенных загадок».

Будто услышав ее мысли, Дионис ухмыльнулся:

– «Кажись цветком и будь змеей под ним»⁸.

– Что ж, если у тебя больше нет вопросов...

– Подожди. Извини, сам не свой. – Он выдохнул, закрыв лицо руками, но сквозь неплотно сдвинутые пальцы Персефона по-прежнему видела лихорадочно блестящие глаза, следящие за ней. – Вот, как я вижу этот пазл. Семела веселится на вечеринке, пьет ту бурду, которую я намешал во внезапном творческом порыве...

Персефона вскинула голову:

– Случайно создал питье, переносящее в другое измерение? – Она коротко хохотнула. – Пardon, продолжай, продолжай.

Дионис, наконец, отнял руки. Она видела множество эмоций, сменяющихся на его лице, но не верила ни одной. Разве что едва различимой, но, несомненно, глубокой скорби, вот только что ее вызвало? Лишь смерть подруги или то, что из-за него она застряла на той стороне? «Экспериментатор хренов. Знал ведь, что может произойти, и все равно угощал нас этим дерьмом».

Калейдоскоп эмоций внезапно остановился на привычной кривоватой улыбке:

– Я ведь говорил о возможных последствиях, просто... Оставим дебаты об этичности произошедшего, хорошо? Прошу тебя.

Персефона пожала плечами, стараясь скрыть нарастающую тревогу.

– Она выпила это, – продолжил Дионис, растянувшись на подоконнике. – Пошла наверх. Я не был уверен, что напиток подействует, думал, будет просто очередная галочка в списке моих пробоов. А потом сверил с записями, которые делал в пьяном угаре, и понял – да, это оно. Все сработает, ее сознание попадет на Сайд, вот только для этого организм должен оказаться на пределе возможностей. Проще говоря, она должна почти умереть. И я, как ты понимаешь, не рассчитывал, что эта... почти-смерть действительно наступит.

– Вот только она не почти умерла, Дионис! В ту ночь она правда умерла. Все видели ее тело, и у копов были основания для подозрения, что ей «помогли», – Персефона изобразила пальцами воображаемые кавычки, – упасть.

Он встряхнул головой, все еще продолжая полулежать на подоконнике, но его тело напряглось, как струна. Внезапно Персефону пронзила жуткая догадка: не мог ли он сам убить Семелу? Посмотреть, что будет, например. Или просто ради веселья.

Усилием воли она отогнала эту мысль и сосредоточилась на его речи.

⁸ У. Шекспир. «Макбет».

– А почему я тогда вижу ее? Не так, как во сне. А так, как мы во время ритуала видим чудищ Тартара. Вроде понимаешь, что это нечто чужое нашему измерению, но при этом оно настоящее. И Семела тоже реальна.

Это было выше ее сил.

– Не хочу разрушать твои доводы, – Персефона вскинула руку, прерывая его, – но даже если ты не допился до белой горячки и сознание Семелы действительно живо, подумай еще раз. Допустим, ты найдешь ингредиент, который может симитировать смертельную опасность для твоего организма и безопасно ввести его в коматозное состояние – хотя, черт побери, где ты вообще собрался такое найти? – но даже если ты придешь на Сайд сам и каким-то чудом найдешь Семелу, что будешь делать дальше? Спросишь, кто ее убил? Ради возмездия?

Дионис отвернулся, поморщившись, как от боли. Она перевела дыхание, отчетливо понимая, что ее слова не имели для него никакого смысла. Зря надрывалась. Он в отчаянии, он чувствует вину, и он нестабилен. Комбо.

– Тело пропало, – сказал он так тихо, что Персефона не сразу поняла смысл слов.

– Я думала, семья похоронила ее вчера. Мы видели труп, когда приезжала полиция. И что с того? Что это вообще дает?

– Надежду. – Он медленно надел солнцезащитные очки и уставился в окно на пасмурный, затянутый снежной пеленой кампус. – Может, все-таки попробуешь придумать сценарий, в котором я попаду на Сайд и мне не понадобится умирать? Больше у нас таких задротов в ботанике не найти.

Она приподняла бровь:

– Есть что-то в этом мире, способное тебя переубедить?

Нервный смешок.

– Лоботомия разве что.

Кто бы сомневался.

– Есть ведь и другой путь попасть на Сайд. Ты ведь знаешь его, да? Почему не говоришь о нем?

– Не знаю, какие у тебя были от него впечатления, но лично у меня – не самые радужные...

== Весна ==

– Подожди, подожди, – перебила Ари, выпрямляясь. – Так ты правда видела Сайд?

Персефона медленно моргнула, словно выходя из транса. Рассказчик из нее был не самый лучший: мысли явно были заняты чем-то еще, она постоянно запинаясь, тщательно подбирая слова, будто в конце месяца придется платить за каждое из них.

– Пожалуй, – неопределенно протянула Персефона.

Море скребло берег белыми когтями, почти доставая до ее оксфордов. Ари нетерпеливо шумно выдохнула, пиная камушек:

– Сайд – это просто легенда.

В ее голове все уже пришло к простой и понятной цели: найти Диониса, который перед исчезновением говорил с Персефой. Была неизвестная переменная – Семела и ее внезапная смерть, но Ари надеялась, что уж с этим она как-то управится. В конце концов, это не ее забота, а полицейских. Но теперь в игру помимо «икса» вступил «игрек» – Сайд, сторона, игравшая сюжетообразующую роль в своеобразной мифологии Эллинского университета, сложившейся за десятилетия студенческого фольклора.

Ходил слух, что кампус был поставлен на древнем захоронении. По легенде, главное здание было одним из немногих священных мест на Земле, где встречались четыре ветра. Впервые попав туда, Ари почувствовала, будто очутилась в параллельном измерении, в источнике чего-

то важного. И притягательная, мистическая энергетика кампуса была идеальной почвой для преданий о Сайде, передающихся студентами из поколения в поколение. Что-то вроде другого измерения, существующего параллельно их кампусу. Как Тартар, только в Тартаре обитают чудовища и царит непроглядная тьма, а Сайд, якобы, представляет собой зеркальное отражение привычного им мира. Тоже есть животные, растения, изобретения и искусство – впрочем, там все не то, чем кажется, и лучше туда не соваться. Некий студент когда-то даже изобразил на стене общежития граффити с предполагаемыми страданиями некой жалкой душонки, забредшей в одну из ловушек Сайда. Творец явно вдохновлялся босховскими представлениями о земных наслаждениях⁹ с налетом современного сюрреализма, но работа все равно имела большую популярность.

– Ты учишься там уже два года и до сих пор не поняла, насколько серьезны все их предания?

Ари не понравился ее тон. Снисходительный. Королевский.

– Не думаю, что стоит слепо верить всему, что слышишь.

– Нет, Ари, здесь не легенда. Что-то большее. И Дионис сразу понял, что к чему. «Но открою тебе секрет: безумцы всех умней»¹⁰, – процитировала Персефона.

Опять. Будто черная змея внутри сжалась перед прыжком.

– Он не безумец.

– Я в хорошем смысле. Странные парни даже прикольные. Просто... иногда он слишком странный, если ты понимаешь, о чем я.

– Ничего удивительного. Моя ошеломительная красота затуманивает его разум, – мрачно пошутила Ари.

Персефона тихонько засмеялась своим очаровательно-вежливым смехом:

– Не исключено.

– Эй, – Ари быстро дотронулась до ее плеча, точно боясь обжечься, – я ни секунды не верю в то, что он убил Семелу. Понимаешь?

Персефона проигнорировала ее вопрос.

– В общем, да, мы с Аидом видели Сайд. Вернее, мы будто заглянули в замочную скважину и сбежали, сломя голову.

– Что случилось?

Персефона отвернулась. Внезапный порыв ветра дернул ее длинные белые волосы, и она нервно закрутила их в узел.

– Это бред сумасшедшего, – пробормотала она. – Мы всего-то выпили гранатовое вино. Его оставил в ящике этот... экспериментатор, чтоб его.

«Экспериментатор». Ари ощутила укол совести – Дионис мягко, исподволь пытался поговорить и о своих изысканиях в химии, и об успехах в распространении веществ сомнительного толка. Возможно, он пытался таким образом прощупать почву, понять, можно ли доверить ей опыты с попытками пройти на Сайд? Если честно, она эти разговоры предпочитала игнорировать. Может, потому что не особо хотела замечать его «проблемную» сторону. В конце концов, она никогда не строила иллюзий на его счет. Он был хаотичным, доброжелательным парнем, прекрасной катастрофой – как и она сама. Его гротескная порочность, пагубное очарование, развращенность казались лишь следствием пребывания в их университете. Эдакий очаровательный персонаж сказки – впрочем, какая же сказка обходится без покушений на убийство?

– Слушай, я... – Ари медлила. «Черт, мне и правда стоило взять у Афины пару уроков ораторского мастерства».

⁹ «Сад земных наслаждений» – самый известный триптих Иеронима Босха.

¹⁰ Л. Кэрролл. «Алиса в Стране чудес».

– Все, что мне нужно, – понять, куда мог деться Дионис. Любая зацепка. Мне стремно доводить дело до полиции... по личным причинам. И потому что они ни хрена не сделают, это любому понятно. В моих интересах просто выслушать твою историю! Даже если вы там кого-то убили, я и слова не скажу, клянусь.

– Там и убивать никого не пришлось. Они были уже мертвы. – Бледные пальцы Персефоны сжались в кулак, и, когда она разжала ладонь, на ней отпечатались глубокие розовые следы от ногтей. Когда она снова заговорила, от Ари не укрылась легкая дрожь в голосе.

Часть 9. О покойниках и звонках

Меньше всего Персефоне хотелось выглядеть слабой и напуганной, но она не представляла, как можно описать Сайд, игнорируя эмоции, захлестнувшие ее в тот день. Это было ожидание чего-то потустороннего, грозящего стереть ее в порошок; и страх, от которого ночью просыпаешься в поту, покрываешься мурашками всякий раз, когда любое событие может случайно вызвать ассоциации с тем.

== Зима ==

– Думаю, они неопасны, – тихо выдохнул Аид. Его взгляд бешено метался по сомкнутым рядам вылепившихся из пустоты серых силуэтов. При свете тусклых мигающих ламп они казались единой шевелящейся массой переплетенных тел.

– Ты уверен? – Персефона не могла выдавить из себя ни звука, понимая, что в любую секунду может утратить контроль над собой и завизжать. Кажется, ее спутник прочитал вопрос по губам.

– Довольно-таки.

– Аид, сейчас «довольно-таки» не устраивает!

– Очень довольно-таки. Давай руку. – Он сжал ее пальцы и начал отступать, медленно-медленно переставляя ноги, дюйм за дюймом, видимо, опасаясь, что бледные существа могут истолковать любое резкое движение как враждебное. Его рука в перчатке ходила ходунком, на лбу выступила испарина.

Несмотря на бешено колотящееся сердце, Персефона почувствовала смутное облегчение: тени не преследовали их, лишь стояли в углу со странным смирением. Что-то хрустнуло под подошвой, и Персефона нервно дернулась. Она все еще не теряла слабую надежду на логическое объяснение происходящего. Например, они могли просто перепить. От некачественного алкоголя еще и не такое бывает. В конце концов, они все еще находились в хорошо знакомом «Оракуле». Симпатичное кафе в подвале дома Двенадцати, круглые столики, заботливо расставленные стаканы, запах сигарет с ментолом...

Вот только из темного угла «Оракула» не материализовывались изуродованные тени, слишком похожие на людей из плоти и крови.

В «Оракуле» не клубился холодный липкий туман, смыкающийся вокруг, мешающий дышать.

Стены «Оракула» не покрывал ужасный кровавый узор, повторявшийся, будто цветочный орнамент, растущий прямо на глазах.

На полу «Оракула» уж точно не могло быть...

– Это кости! Что здесь...

Аид быстро прижал палец к бледным губам.

Персефона отвлеклась всего на секунду, ища взглядом дверь и молясь, чтобы она была близко, а когда повернулась, зажала себе рот свободной рукой, чтобы не закричать от ужаса – прямо перед ее лицом маячили пустые глазницы человеческого черепа, покрытого ключьями изъеденной червями иссохшей плоти. Чудом уцелевшая прядь волос на его макушке свисала до плечевых костей.

– Извините, мы спешим, – деловито сказал ему Аид.

Персефона наблюдала будто во сне, как туман подползает все ближе к ним. Клубящийся, без конца и края.

Дыхание участилось.

– Так и будешь строить ему глазки?! Он уже не ответит! – заорала она с невесть откуда взявшейся силой. – Бежим!

И тут же оцепенела, услышав голоса. Леденящие жалобные причитания теней, неумолимо покидающих свой угол. Не переставая то стонать, то шептать, то хохотать, то плакать, серые силуэты подходили все ближе, и она содрогнулась, когда обдало холодом – одна из теней коснулась ее, и это прикосновение не было фантомным прикосновением призрака. Настоящая мягкая, податливая, серая плоть. Распухшая рука. Персефона резко отшатнулась, борясь с тошнотой.

«Не смотри», – сказала она себе и, конечно же, посмотрела.

Вероятно, мальчишка. У него были широко распахнутые глаза, затянутые пленкой. Высохшее лицо окаменело в гримасе ужаса. На миг Персефоне стало жаль его, какой бы эта мысль ни казалась безумной.

Аид потянул за собой, и они, охваченные паникой, спотыкаясь, бросились к спасительной двери, но пространство будто увеличивалось с каждым их шагом. Полотна тумана впереди неумолимо сгущались, и тени перестали медлить. Теперь они с шумом проносились мимо, то задевая бегущих, то преграждая им дорогу, трогая одежду и пытаясь дотянуться гниющими пальцами до голов.

Перси отмахивалась от них, пряча лицо, а мыслями снова и снова возвращалась к воспоминаниям о соседском подростке, недавно утонувшем в море. Побережье погрузилось в траур на день, а после жизнь с нехитрыми радостями и печалью пошла своим чередом, как, в сущности, всегда. Нет, она надеялась, что коснувшийся ее мальчишка не был им, но что, если со смертью ничего не заканчивается, что, если там, на изнанке всего сущего, ты обречен остаться омерзительным чем-то, что, если...

Она пришла в себя, только осев на холодную мостовую и услышав, как дверь «Оракула» хлопнула за спинами. Свежий зимний воздух обжег щеки, и Персефона наконец смогла вдохнуть полной грудью, сразу же закашлявшись. Ее трясло. Болела рука: Аид так сильно стиснул ее, что пришлось самой разжать его пальцы.

– Что это было? – прошептала она. – Они все умерли?

Аид прочистил горло, запрокинул голову. В безоблачном небе висели диск луны и сотни звезд, бесконечно далеких, сквозь толщу времени и расстояния несущих свой свет.

– Думаю, мы видели Сайд, – пробормотал он. – Выходит, там все-таки можно побывать. Или, по крайней мере, посмотреть...

– Это не выдумка?

Он хмурился, очевидно, напряженно соображая.

– Был слух, что Дионис носился с этой идеей.

– Думаешь, это все его дурацкое вино...

– Гранатовое не-пойми-что, которое мы нашли у Двенадцати? Может быть. Скорее всего. – Он резко поднялся на ноги и протянул ладонь, помогая встать. – Что теперь будем делать?

– Не знаю, – сказала Персефона, но они оба понимали, что это ложь. Они просто постараются забыть это, выкинуть из головы, как страшный сон, и станут жить дальше. Они действительно смогли это сделать. До ночи, пока не умерла Семела. Саму ее смерть они восприняли до крайности спокойно – в отличие от подозрения, висевшего над всеми, кто был в тот час в доме Двенадцати.

== Весна ==

У Перси был настороженный вид человека, который знал, что сказал слишком много. Ари понимала – лучше притвориться, что она не встревожена этим рассказом. «Веди себя естественно».

Вместо этого она продолжала неотрывно смотреть в большие карие глаза Персефоны. Молчание затянулось. Ари слышала шум ветра, шум моря, шум в ушах.

– Вы что, – осторожно произнесла она, следя за реакцией Персефоны, – подозревали друг друга в ее убийстве?

Собеседница пожала плечами.

Ни угрызений совести. Ни оправданий.

И Ари совершенно не понимала, как на это реагировать.

– Мы немного сомневались в том, что не свихнулись после того милого свидания в «Оракуле». В тот вечер случилось что-то важное. Когда страх смерти и ценность жизни притупляется... Я не говорю, что я изменилась. Просто будто обнаружила новую грань внутри себя. – Перси поежилась, плотнее натягивая свитер.

– Поэтому вы с Аидом разбежались? Он спросил, где ты была в ночь убийства Семелы? – «Вот черт». Ари тут же прикусила язык. Иногда она ненавидела свою прямолинейность.

Персефона поперхнулась:

– Мы не...

Холодало, они повернули обратно к особняку. Ари выжидающе приподняла бровь.

– Да, он подумал, что это могла быть я. – Глаза Персефоны сверкнули, она вздернула подбородок. – Разумеется, это не так. О чем я ему и сообщила.

– А когда ты подумала на него?

– Он посмеялся, и мы переспали. Еще вопросы будут?

– Понимаю, это выглядит как допрос, и мне неловко говорить это, но... Ты не думаешь, что вы и правда могли перепить? Это точно был Сайд?

– Ты видела чудищ из Тартара, и тебе сложно поверить в ходячих мертвецов? – Один – один, она неплохо осведомлена. Ари и сама не понимала, откуда взялся этот элемент соревнования, но диалог стал походить на пикировку, а она сюда пришла не за этим.

Что-то не давало ей покоя в этой истории. Вернее, кто-то.

Дионис.

Дионис, это воплощение живой, неукротимой энергии, искал место, из которого лезут живые покойники... Несостыковка.

– Зачем ему вообще понадобился Сайд? – размышляла она вслух. – Понятно, Семела умерла, и он захотел вернуть ее. Но зачем искал Сайд до этого? Почему он вообще начал этим заниматься?

Персефона поджала губы.

– Мне казалось, вы встречаетесь.

– Я его об этом не спрашивала, – огрызнулась Ари.

– Как и я. Я не смогла помочь найти рецепт, где не пришлось бы бросаться с лестницы, травиться или что-то в этом духе. Может, у него и получилось в итоге попасть на Сайд. Не уверена.

Ари казалось, что ее голова вот-вот взорвется от обрушившейся на нее информации. «Разве не этого ты хотела? – ехидно спросил внутренний голос. – Разве не мечтала о запутанных загадках, о магии, о двери в другой мир, об обаятельном волшебном проводнике?»

Но в реальности сверхъестественное не бывает добрым.

– Может, Двенадцать набросают коллективное заявление в полицию? Тебе не обязательно искать его в одиночестве.

Ари медленно покачала головой. Полиция? Кто знает, не взбредет ли копам в голову снова ворошить дело Минотавра? Оказавшись за решеткой, она уже не сможет помочь Дионису. Она уже просила почти каждого из Двенадцати сходить в полицию, но те лишь отводили взгляды. Все, даже Гестия. У каждого было что скрывать. И каждый имел право опасаться правосудия из-за той роковой новогодней вечеринки.

– Попросить преподавателей? Связаться с родственниками? Хоть с кем-то. Всем что, вообще на него наплевать? – Персефона еще больше распахнула оленьи глаза, но смотрели они немного дерзко, немного высокомерно. Контраст. Да она вся – нежный бутон, из-за которого успеваешь заметить шипы, только когда они уже исполосовали твои ладони.

«Перси, что за игру ты ведешь, черт возьми?»

На дорожке, ведущей к особняку, Ари заметила даму неопределенного возраста в зеленом платье, машущую им рукой.

– Я только из оранжереи, дорогая, – обратилась она к Персефоне, снимая защитные перчатки. – Что же ты не предупредила, что у нас гости. Это твоя подруга?

– Да.

Их с Перси сложно было назвать даже приятельницами. Пару раз выручали друг друга на общих лекциях, одалживая ручку или забытую зарядку для телефона. А после сегодняшней беседы Ари вообще сомневалась, что они когда-нибудь заговорят снова. Но Персефона ответила с такой непоколебимой уверенностью, что Ари и сама чуть не поверила ее словам.

– Мама, это Ариадна. Ариадна, это...

– Деметра, просто Деметра. – Она протянула ладонь для неожиданно крепкого рукопожатия. – Пообедайте с нами. Не откажете мне в любезности?

Ари принялась вежливо отнекиваться, невольно робея перед ее глубоким голосом, королевской осанкой, красотой, от которой веяло величием и суровостью. Девушка смутно подозревала, что рядом с этим семейством она выглядит, как женщина легкого поведения после очень тяжелой ночи.

– И думать забудьте, я настаиваю. Куда вы собрались? Скоро будет дождь. Ну же, девочки, давайте в дом.

– Мам, на небе ни облачка...

– В дом!

* * *

Обещанный дождь пролился ровно через пятнадцать минут, и, когда он прекратился, а Ари наконец направилась в сторону ближайшей автобусной остановки, уже стемнело.

– Ты совсем притихла, Перси. – Деметра включила в доме «Весну священную»¹¹ и присела на ступени крыльца рядом с дочерью. – Что-то случилось?

Персефона покачала головой. «Мне нужен глоток новой жизни. Поехать куда глаза глядят. Покинуть дом. Выучить новый язык. Сесть за мемуары. Завести канарейку. Я бы хотела... Хочу взять все, что жизнь мне может дать. Хочу делать. Хочу быть. Все, чтобы найти новый паттерн. И еще мне нужен звонок. Всего один звонок, который я тоже могу приравнять к новой жизни».

– Мам.

– Да, дорогая.

¹¹ «Весна священная» (*фр.* Le Sacre du printemps) – балет русского композитора Игоря Стравинского.

– Иногда... Иногда думаешь, насколько все в жизни стало чужим. Будто на самом деле должно быть не так. У тебя было такое чувство?

– Пожалуй, да. Не могу сказать, что без ума от этой жизни. Но я наполняю дни здоровой, трезвой любовью к ней. И не падаю в бездну меланхолии, как бы сильно этого ни хотелось. Нужно анализировать то, что делает тебя счастливой. Хоть на мгновение. Что-то одно. Больше, как правило, и не нужно.

Персефона нахмурилась. Что же могло привести ее в чувство?

«Гулять среди полок с книгами, столкнуться с Аидом лбами и дразнить его за хмурый вид».

Нет, к черту такие мысли.

К черту, потому что он хотел быть приоритетом, а не одним из вариантов. Потому что умел сказать все в лицо, а не за спиной. Потому что не боялся прослыть чудаком, ведь ему действительно плевать на мнение остальных. Потому что просчитывал ходы наперед, чтобы добиться желаемого. Потому что врезался в ее память.

И к черту, потому что ее оттолкнула от него не фраза: «Ты что, убила Семелу?» Ее оттолкнула фраза: «Меня это не волнует. Если это правда ты, могу помочь утилизировать тело. Если понадобится, скажи».

Ее шокировало то, насколько легко он мог поверить в ее отравляющую, порочную сущность.

С тяжелым вздохом она положила голову маме на плечо.

– Позвони уже своему аутисту, дорогая. – Деметра поморщилась, как от зубной боли.

Персефона не смогла скрыть изумления. Мать тихо рассмеялась:

– Популярная ошибка сообразительных людей – думать, что их невозможно прочитать.

– Аид ведь тебе не нравится.

– Не нравится, конечно. Вместо учебы романы крутишь. К тому же с юношей, у которого эмоциональный диапазон беднее, чем у рулона туалетной бумаги. Куда это годится? Но раз уж он тебе по душе...

Персефона медлила.

«Хватит. – Она заставила себя подняться. – Один звонок не повредит. Я воспитала свое сердце. Оно перестанет чувствовать, когда я скажу».

Вернувшись в дом, она подошла к старинному телефонному аппарату и набрала давно выученный номер.

Трубку взяли после первого гудка.

– Слушаю.

– Не отвлекаю? – Она отлично знала, что ответ будет «нет». Не сдержала улыбку, услышав паузу, представив, как Аид выпрямляется, проводит рукой по волосам, перехватывает телефон покрепче. Интересно, он сейчас в перчатках?

– Нет. – Голос привычно хрипловатый, будто от редкого использования. – Приятно снова тебя услышать. Где ты сейчас?

– Дома. – Она вложила в интонацию как можно больше скуки.

– Мать снова зовет тебя полоть грядки?

– Не-а. Сегодня она даже назвала меня сообразительной. Что думаешь? Подходящий эпитет?

– Очень. Еще властолюбивая, тщеславная, требовательная, ужасающая, напористая, все-ляющая трепет и в целом очень привлекательная.

– Я впечатлена. Мне и в голову не приходило, что ты брал уроки красноречия в мое отсутствие. Только не говори, что специально перечитывал словарь.

– Само собой. Ты прервала меня в самый ответственный момент, я уже переходил к букве «б».

Пауза, прерываемая приглушенным собачьим лаем где-то вдалеке.

– Я мог бы приехать.

– Но уже поздно.

– Но я мог бы, – не уступал он.

– И дорогу размыло, кстати сказать.

– Как-нибудь доберусь.

– Тогда почему ты еще не за рулем?

Персефона отключилась и уселась на пол, бросив трубку раскачиваться в воздухе. Она прикрыла глаза и сидела так до тех пор, пока не услышала в коридоре шаги.

Чужие.

Повинуясь инстинкту, она вскочила. Запустила руку в ящик стола и вытащила темную бутылку. Интересно, приходила ли Аиду в голову мысль забрать остатки гранатового вина, перенесшего их на Сайд? Возможно. Все-таки они с ним похожи больше, чем ей когда-то казалось. Сильно ли он удивился, когда не обнаружил бутылку на месте? Наверное, нет.

В комнату зашел человек, которого она знала, только теперь его строгий костюм и очки в тонкой золотой оправе дополняли пистолет.

– Зачем ты пришел? – спросила она, аккуратно наливая вино.

– Убить тебя. Разумеется.

– Что такого страшного в смерти? – откликнулась Перси.

И залпом осушила бокал.

Часть 10. О крышах и изменах

Ари была уверена, что ей минимум два дня не удастся сомкнуть глаз ни на секунду – так много вопросов кипело в ее мозгу, и ни на один из них она пока не могла найти логичный ответ. Но, к своему удивлению, она задремала под едва различимый гул мотора и чуть не проехала свою остановку.

– Остерегайтесь любителей приключений, – добродушно бросил водитель, высаживая единственную пассажирку посреди темной улицы.

– Я и сама любительница приключений, – проворчала Ари, растерянно озираясь по сторонам. Ей категорически не хотелось покидать круг света, отбрасываемый единственным на улице фонарем. Но пришлось.

«И она вышла посреди нихуя с бесполезным разряженным телефоном и верой в светлое будущее». В детстве, когда было жутковато, Ари иногда размышляла о себе в третьем лице, как о героине какой-нибудь книги. Глупо, конечно, но когда-то ее это успокаивало. Хорошо, если бы сейчас тоже успокоило: до кампуса оставалось еще минут двадцать пешком, а Ари совершенно не помнила маршрут. Первый и последний раз она ездила на этом автобусе в день поступления. Конечно, большинство студенток ее круга уже тогда приехали на личных автомобилях, но Ари было плевать на то, как воспримут ее появление. Ее мысли занимал Эллинский университет, а особенно – колледж Эгея, который, казалось, был предназначен для нее. Место, в котором она нуждалась. Кампус, пронизанный атмосферой десятилетиями накопленных знаний, преподаватели, относящиеся к тебе как к равному, неожиданная для учебного заведения свобода – годы здесь обещали быть совершенно особенным опытом, и у Ари горели глаза, когда она шла по этой улице в первый приезд.

Очарование университета не покинуло ее и теперь, просто чувства Ари стали сдержаннее, восторги поутихли. Все-таки здесь были напряженные эпизоды, были ссоры, интриги, а сейчас университет еще и повернулся к ней магической темной стороной, изнанкой, о которой Ари так долго не знала и теперь боялась предположить, что просто сходит с ума. Но, в целом, она все еще любила это место, наполненное самопровозглашенными творцами и бунтарями. Студенты ни в чем себя не ограничивали, превращая жизни в эксцентричный перформанс, в искусство. Каждый жил в собственной фантазии, а преподаватели только подбадривали и поощряли такую внеучебную деятельность. Многие вообще не заботились об оценках.

Ари нравились даже легкие напряженность и упадничество, свойственные этому месту. И загадки. Не нравилось только то, что она не могла их разгадать. И то, что они касались лично ее и близкого ей человека. Легко быть зрителем с запасом попкорна, отстраненно наблюдающим за тайнами, а вот самой стать героем истории – это было выше ее сил.

Когда-то Ари слышала фразу «беда полностью полагается на точно выбранное время». В ее случае это подошло как нельзя лучше: она едва начала свыкаться с мыслью, что отношения могут не быть созависимыми и горькими. Ее только отпустило перманентное желание вцепиться зубами в протянутую руку. Она только перестала плевать ядом, чувствовать немотивированную агрессию по отношению ко всему миру. Перестала вести себя, точно вооруженный до зубов задира, который воображает, будто чувства – это дуэль, а не танец. Перестала думать при взгляде на Диониса: «Мне очень нравится этот человек, но я никогда не смогу его понять». Эта мысль засела в ее голове еще с их второй встречи, которая была совершенно случайной. Настолько, что иногда Ари всерьез подозревала, что ничего случайного в ней на самом деле не было.

== Осень прошлого года ==

В тот день она зевала после очередной бессонной ночи, шаря по полкам, оставляя смазанные отпечатки на слое пыли, припудривающем корешки библиотечных книг, когда услышала знакомый голос:

– Да, я продавал здесь дурь раз или два. Почему бы и нет? Если ты заинтересован в том, чтобы словить кайф, то можно либо тратить деньги, либо собирать их. Как по мне, быть дилером лучше. К тому же из меня получается неплохой химик... Может, я ошибся факультетом?

Ари замерла, вслушиваясь в развязные нотки: кажется, пожаловал давешний знакомый, освободивший ее из полицейского участка, собственной персоной. Ей не слишком хотелось с ним пересекаться, не понимая до конца, зачем тот вообще помог, – к тому же он пришел не один. Речь его собеседника была тише и быстрее, Ари легко могла представить, как он оглядывается по сторонам, боясь, что их услышат.

– Я слышал, будто ты... как бы это сказать... – Пауза, натужное сопение.

– Натурой беру?

Собеседник издал звук, одновременно похожий на мычание и икоту.

– Черт, ты и камень разжалобишь...

Послышались шаги, наступила тишина, и Ари осторожно выглянула из-за стеллажа, молясь, чтобы они, наконец, ушли. Увиденное заставило ее тут же втянуть голову обратно и быстро сесть на первый попавшийся стул, но было поздно.

– Дарлинг! – окликнул Дионис, судя по звукам, поднимаясь с колен. – Выходи. Я вижу твои ботинки.

Мысленно чертыхнувшись, Ари быстро поджала ноги. Молчание затягивалось.

– Да выйди ты уже, наконец. Милый Адонис сейчас копыта откинет от ужаса...

Ари медленно выглянула, заранее готовясь нырнуть обратно. Но в зале оказался только ее знакомый.

– Сбежал. – Дионис со вздохом спрятал носовой платок в карман горчичного пиджака. – Дарлинг, ты все испортила. Не пойми превратно, я очень рад тебя видеть, просто он был моим... э-э-э... товарищем.

– Догонишь его? – поинтересовалась Ари.

– Никак нет, – весело отрапортовал он. – Не собираюсь я ни за кем бегать! Мои моральные принципы, знаешь ли...

– Возможно, я ошибаюсь, но мне почему-то кажется, твои моральные принципы – та еще русская рулетка. – Она осеклась. Это было грубовато с ее стороны, но Дионис, кажется, несколько не обиделся.

– Ты даже не представляешь, насколько права. – Он окончательно вышел из тени многочисленных полок и подошел к окну. – Вот же черт!

Услышав его вопль, три библиотекари, сидевшие у входа с клубками пряжи, одновременно зацокали языками и зашикали.

– Извините, – хором прошептали Ари и Дионис.

Девушка прищурилась, оглядывая улицу. Ничего примечательного, разве что на ступеньках образовалось какое-то столпотворение с участием дионисова приятеля, которого спугнула Ари.

– Что случилось?

– Кажется, к Адонису, моему клиенту, пристали городские, а у него карманы полны таблеток. Неувязочка, конечно... Какого хрена здесь вообще забыли городские?

Ари равнодушно пожала плечами.

– Seriously? Смотри, смотри, там еще и полиция подросла! Спасем его, как думаешь? – Не дожидаясь ответа, Дионис поманил ее рукой и побежал к выходу.

– Поберегись! – бросил он Аполлону, сокурснику Ари, застывшему у лестницы с мечтательным выражением лица и книжкой, прижатой к груди. Тот еле успел отпрянуть, язвительно крикнув вслед:

– Трубы горят?

– Ага, медные. И не горят, а восхваляют мое величие!

– Вот же идиот...

Преодолевая очередной лестничный пролет, Дионис на секунду замер, запрокинув голову.

– Очевидный идиот всегда лучше латентного! – И бросился дальше.

Ари старалась не отставать, бодро стуча подошвами по серому орнаменту плитки.

– У тебя пунктик на спасении людей от полиции?

– Как-то не задумывался об этом, пока ты не сказала. Да? Да, наверное. – Он придержал дверь, пропуская Ари. Его громкая речь привлекала к ним внимание других студентов. – Копы просто портят все веселье, понимаешь.

Они обогнули корпус, выходя в пустующий внутренний двор общежития, где их чуть не сшибли с ног три шумных пижона, которых Ари никогда раньше не видела – наверное, это и были «городские», не студенты и не профессора, просто люди, пробравшиеся в кампус без разрешения. У стены замер Адонис, на которого надевали наручники: он не сопротивлялся, уперся взглядом в собственные ботинки, как нашкодивший школьник, вызванный к директору. Казалось, даже вздохнуть боялся. А напротив... Ари почувствовала, как руки мгновенно вспотели, а сердце забилося быстрее. Это был тот самый полицейский, который допрашивал ее в участке и у которого Дионис чудом увел ее прямо из-под носа. Она уже хотела развернуться и сделать вид, будто просто проходила мимо, перепутав корпуса общежития, как коп перестал дергать наручники и скользнул по Ари взглядом. Так, будто первый раз ее увидел. Ни тени узнавания не промелькнуло на его молодом усатом лице.

– Ну что же вы, господин полицейский. – Дионис миролюбиво развел руками, будто демонстрируя, что у него нет оружия. – Сами же знаете правила. Университет против дилеров не идет. Что вы там щупаете моего клиента? В очередь, будьте добры, еще я его пощупать не успел...

– Иди, куда шел, и подружку забирай, – равнодушно перебил коп, всем своим видом демонстрируя, что они находятся далеко не на первом месте в списке его приоритетов. – Я-то правила знаю, и ты, думаю, тоже. Никто сюда городских не приводит и не угощает.

Ари отступила на шаг. Дионис, наоборот, придвинулся ближе. Коп недовольно выдохнул:

– Ну и почему ты все еще здесь?

– Он больше не будет. Не будешь же, Адонис? Вот видите, как вы его напугали, он даже слово лишнее сказать боится. Ну же, господин полицейский, взгляните на эту хорошенькую доверчивую физиономию. Разве он похож на злоумышленника? Так, разок попробовал. Перед товарищами из города прихвастнуть хотел, а вы его сразу скрутили...

На втором этаже общежития со стуком распахнулось окно, и из него высунулась Дита.

– Адонис, я тебя совсем зажала, – пропела она, лукаво улыбнувшись, отчего на ее румяных щеках появились ямочки. – Привет, ребята!

Ари никогда не замечала за собой романтического интереса к женщинам, но красоту Афродиты невозможно было игнорировать. Ее тяжелые волосы, то кажущиеся каштановыми, то отливающие золотом или красной медью. Ее нежные голубые глаза, глаза большие, глаза смотрящие, глаза, видящие насквозь. Не девушка, а настоящее произведение искусства, которое можно читать бесконечно.

– А вот и свидетели. Может, хотите обсудить это лично со мной в участке, господин полицейский? – Дионис доверительно склонил голову набок. – С него достаточно воспитательной беседы, не думаете?

Коп наморщил нос, отчего его усы смешно встопорщились, делая его похожим на дикого зверька:

– Не думаю, что душеспасительные проповеди входят в мои обязанности. Как и в твои – нарываться на проблемы.

– Думаю, мои текущие проблемы решились бы бокалом красного полусухого и лежанием у кого-то на коленях, пока мне читают вслух, – чуть слышно пробормотал Дионис.

Полицейский не выдавал гнева, но Ари чувствовала: он просто мечтает, чтобы в его права входила возможность пустить по пуле в лоб каждому из них.

– Что-то случилось? – Полной белой рукой Дита распахнула окно еще шире и обернулась на кого-то в комнате. – Девочки! Что? Да нет же, идите сюда! Кажется, у Адониса неприятности! Может, позвонить его родителям...

Ари невольно улыбнулась. Афродита умнее, чем казалась: репутация в городе, может, важна, но университету всегда невыгодно привлекать к разборкам главных спонсоров – родственников учащихся. Беспроектная комбинация.

– Пошел вон, – медленно процедил полицейский, проворачивая ключ в наручниках.

Адонис бросился к дверям, едва не запутавшись в собственных длинных ногах. Окно наверху закрылось так же резко, как и открылось.

– Воссоединение любящих душ, – со вздохом прокомментировал Дионис. – Мало ей двух парней, еще и этого захомотала. Сердцеедка...

Ари напряженно вглядывалась в лицо полицейского. Даже скандальная, прямолинейная, напрашивающаяся на проблемы часть ее характера твердила: «Ну теперь-то мы, наконец, можем уйти далеко и надолго? Сколько можно из себя дурачка строить, он же нас сейчас живьем съест».

– Дионис, да ты совсем ебнулся! – ожидаемо взорвался коп. – Я твой зад прикрываю не для того, чтобы твои подсосы эту заразу среди бела дня по своим городским друзьям разносили! Ладно, кампус. Черт с ним, тут, как говорится, кто из нас не без греха. Но город...

– Просимн... Вы ведь не обидитесь, если я буду называть вас по имени? Так вот, я понимаю ваше недовольство. Но нам ли переживать из-за таких пустяков? Вы не хуже меня знаете: ничего с этим местом не случится. – Глаза Диониса сверкнули в лучах заходящего солнца. Странное дело: в их первую встречу Ари заметила, что они голубые, сейчас же радужка казалась почти черной. – Здесь нет места переменам, потому что и завтра, и послезавтра, и еще через херову тучу лет вы будете ловить кайф от моего товара, а верхушка университета будет закрывать на это глаза.

– Думаешь, это так и будет продолжаться? Они уже планируют ввести что-то новенькое. Я и так днями и ночами дрочу на новые приказы от начальства, один тупее другого...

– А могли бы на меня, да, Просимн?

Коп побагровел, приоткрыв рот. Маска радивого служителя закона окончательно соскользнула, и сейчас Ари увидела растерявшегося человека, которому, по сути, было плевать и на работу, и на приказы. Воспользовавшись его замешательством, Дионис так ловко выхватил у него из руки крохотный бумажный пакетик, что она и глазом моргнуть не успела.

– Я это конфискую? Да? Ладно? Не устану повторять: как же приятно иметь с вами дело!

Просимн ошеломленно кивнул, будто не в силах подобрать хоть какое-то цензурное слово.

– Давай, давай, пока он не передумал! – горячо зашептала Ари Дионису на ухо, приподнявшись на цыпочки.

Они понеслись так быстро, что Ари казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет у нее из груди. Добежав до стены, Дионис ловко запрыгнул на ящики, подтянулся, склонился, протягивая ладонь. Тяжело дыша, Ари ухватила за его теплые пальцы и, цепляясь руками и ногами за шершавые черепицы, вскарабкалась вслед за ним на самый гребень крыши.

– Позер, – усмехнулась Ари, мысленно возвращаясь к диалогу Диониса и копа.

Ее спутник изящно поклонился:

– Да! За то и любим.

В прохладном воздухе ощущалась острая горчинка, витал аромат сухой опавшей листвы. Вверху простирались золотисто-розовые облака, внизу – огромный внутренний двор, библиотека, разросшийся кампус, желтеющие леса и прозрачная гладь воды. Ари сообразила, что стоит на вершине одного из корпусов своего колледжа Эгея – одного из самых величественных мест Эллинского университета, который сейчас будто пытался дотянуться шпилями и башнями до закатного неба.

– Что ж, возможно, я зря его выбесил, и это было ошибкой. – Дионис согнулся, отряхивая колени.

Над далекой рекой плыли колокольный звон и резкие крики птиц. Ари кивнула:

– Над которой мы однажды посмеемся.

– Ага.

– Но не сегодня.

– Точно не сегодня. Сегодня мы, видимо, в полной жопе.

Пристально глядя друг на друга, они расхохотались в унисон.

– Нет, все-таки сегодня!

– Я раньше даже не задумывалась о том, что в нашем универе может происходить то, что невозможно за его пределами. – Отсмеявшись, Ари снова взглянула на кампус, свесившись вниз. – Здесь так легко провернуть запрещенные махинации. Здесь полиция тебя слушается, а во внешнем мире, скорее всего, тебе просто втащили бы, не раздумывая.

– Это ведь отдельное государство, дарлинг. Будто нейтральная территория между двумя мирами. Как будто на отшибе. Разве ты еще не заметила?

Ари прищурилась. Она только перешла на второй курс, и в начале учебного года Афина сказала ей, что это место еще откроет множество тайн. Может, только сейчас пришло время? Правда, в глубине души она надеялась далеко не на подпольный преступный мир, которого ей и так вдоволь хватило в отношениях с Тесеем.

– Я всегда чувствовала здесь что-то... особенное. Но, кажется, я излишне романтизировала это ощущение, как и многое другое в своей жизни. – Она хмыкнула, поражаясь собственной наивности.

– Дарлинг, не знаю, кто тебе сказал, что ты излишне романтизируешь жизнь, но тебе еще очень далеко до многих моих знакомых. – Дионис сел на краешек гребня, самодовольно поглядывая по сторонам. Ветер трепал его густые волосы, и он то и дело проводил по ним ладонью. – Нормально придавать слишком большое значение деталям, которые кажутся кому-то несущественными. Нормально слишком поэтизировать обыкновенные, казалось бы, вещи. Нет ничего глупого в том, чтобы превращать временные отрезки существования в крохотное чудо, в восторженную оду жизни, которая принадлежит только тебе. В конце концов, это выбор каждого – крутить пальцем у виска, прозябая в сером унылом мире, или быть свободным. И пить жизнь, словно нектар, находя что-то приятное там, где его не способны увидеть другие.

– Может, ты и прав. Но это место кажется мне... ненастоящим. Оно слишком странное и безумное, чтобы быть реальным.

Дионис прищурился:

– Даже если и так... Чем хорошо сделанная иллюзия отличается от реальности?

– Ты что-то слишком поэтичный для дилера, не находишь? Я тебе пока что не верю.

– Да ты пока что никому не веришь.

Внутри все сжалось, и Ари отвернулась, с горечью признавая его правоту.

Теплая рука осторожно потянулась к ней и ободряюще погладила по щеке, и Ари вздрогнула: она привыкла к гораздо более жестким рукам, и вся нежность мира не смогла бы исправить ситуацию в одночасье.

== Весна ==

Из воспоминаний ее выдернули звуки какой-то возни в ближайшем переулке. Два нетрезвых голоса, мужской и женский, казались смутно знакомыми, и Ари замедлила шаг, прислушиваясь.

– Душа моя, каждый, кто сделал тебе больно, покойник!

– Тогда я, блин, не понимаю, какого хрена ты еще живой?!

Темный силуэт отделился от стены, и его осветили неоновые огни ближайшего бара – единственного источника света в радиусе нескольких футов. Ари узнала Геру, студентку на курс старше, ту, которая сначала вела себя, как последняя зануда, на ритуале Чистки, а после окончательно убедила Ари принять участие в их коллективном безумии. Изящная, худощавая девушка, одетая в золотистое парчовое платье, пиджак с брошью в виде павлина и в обуви на высоком каблуке. Она курила с помощью длинного тонкого мундштука. Женственная, элегантная, загадочная и слегка нетвердо стоящая на ногах – Ари знала, что Гера легко способна выпить больше любого за столом. Она даже иногда устраивала так называемые «чаепития» в своей комнате – алкогольные посиделки под ретромузыку, на которые Ари никогда не приглашали. Гвоздем вечера становилась прикроватная тумбочка, доверху забитая маленькими бутылочками с ликером.

– Я же правда хотел как лучше! – А вот это уже точно Зевс. Ари не видела его лица, но кто же еще мог так оправдываться перед Герой. – Ты ведь меня знаешь, неужели не доверяешь?

– Именно! – Гера разъяренно пнула ближайший мусорный бак. – Именно потому что я тебя знаю, кобель ты конченный!

– Душа моя... Ох, кажется, мне надо отлить... Неужели ты думаешь, что я трахаю другую?

Гера задрожала с абсолютно несчастным видом.

– Нет. Нет, я так не думаю.

Не желая больше быть непрошеным свидетелем емейной ссоры, Ари медленно попятилась подальше от переулка, как вдруг Гера направилась прямо к ней.

– А, это ты, – сказала она, но Ари сильно сомневалась, что шатающаяся девушка действительно узнала ее, а не приняла за кого-то еще. – Он точно трахает другую.

Ари почти не знала ее, но ей всегда казалось, что Гера склонна к преувеличению, к театральности. Было сложно понять, кто она на самом деле. А сейчас глаза у нее блеснули от слез, и это мало походило на спектакль.

– Не-е-ет, – протянула Ари, стараясь звучать как можно более убедительно. – Что? Быть не может.

Секрет Полишинеля, о котором знал каждый в университете. Что толку отрицать очевидное?

Гера уселась прямо на асфальт:

– Как же меня все заебал. У него есть любовница, зуб даю. Я думала, после Семелы он станет адекватнее, так нет же...

– После ее похорон, ты имеешь в виду?

– Похороны? – Гера резко замотала головой, и ее золотистые волосы рассыпались по плечам. – Их не было. Тело пропало. Черт знает, где оно. Дионис твой тоже ходил, выискивал, кто к рукам прибрал... Ну и хрен с ней. Так ей и надо, шалаве этой.

– Слушай, я не эксперт в отношениях, но... Может, не надо винить только Семелу?

Взгляд ее голубых глаз рубанул, как кинжал. Ари отступила на шаг, решив, что, наверное, никогда не забудет застывшее выражение ее лица.

– Кажется, мне пора.

– Это верно, – сухо бросила Гера, вздернув подбородок.

– Не помнишь, как добраться до универа?

– Просто по прямой.

Ари кивнула в знак благодарности и быстро пошла прочь. Кампус приближался с каждым шагом, и непроглядная темень теперь не казалась ей такой уж большой проблемой. Гораздо важнее было другое.

«Что мне известно? Дионис зачем-то ищет дверь в параллельное измерение... В этот Сайд, будь он неладен. Потом Семелу убивают. И ее сознание, возможно, переносится туда. Тело пропадает. Дионис ищет его и способ самому попасть на Сайд. И тоже пропадает. Что, черт возьми, это может значить?»

Ари прокручивала эти мысли снова и снова, дойдя до корпуса, поднимаясь по лестнице, разуваясь на пороге. Захлопнув дверь комнаты, она вошла в ванную и включила душ – такой горячий, что ванная заполнилась паром, и отражение девушки исчезло в запотевшем стекле. И Ари очень долго стояла, ощущая, как вода хлещет по телу, прогоняя подступившую усталость.

Часть 11. О волнах и отчаянии

Аид вышел из машины, с педантичной аккуратностью закрыв дверь. В его недоуменно расширившихся черных глазах отразились огни скорой помощи. Он пошел им навстречу. Кто-то схватил его за руку и заговорил, но Аид не разобрал ни звука, продолжая двигаться вперед, пока пальцы на предплечье не начали причинять боль. Только тогда он замер.

Отсюда он хорошо видел Персефону. Белые носилки, белая спецодежда людей вокруг. И ее белая кожа, чуть светящаяся в свете луны. Глаза были закрыты, и Аид боялся отвести взгляд, пропустив момент, когда она их откроет. В ней всегда были чарующая красота и непоколебимый взор. Одна – завораживала до пленительного безрассудства, второй же – обращал в пепел, и именно этого ему не хватало, чтобы прийти в чувство. «Посмотри на меня. Пожалуйста. Сложно, что ли?»

Горло перехватило.

– Что произошло? – спросил Аид, с отвращением скидывая с себя руку человека в форме.

Ему что-то втолковывали уверенным голосом, вселяющим спокойствие, и Аид, конечно же, ничего не понял, потому что нечто сбивало его с толку, будто висело в воздухе плотной пеленой.

– Просто ответьте, она будет в порядке?

Он не хотел в это верить.

Он чувствовал смерть.

– Простого «да» или «нет» было бы достаточно, спасибо.

Ему сказали, что сложно дать точный прогноз.

Аид хотел ответить, что это ничуть не сложно, что они, наверное, не знают, что такое сложно. Что видеть неподвижным человека, который был бурей, восстанием, отчаянием где-то в груди, – вот это сложно, а эти проклятые доктора, наверное, не на рынке свои проклятые дипломы покупали и уж точно должны выдать что-то внятное. Он уже открыл рот, но вдруг заметил совсем рядом острую, элегантную фигуру в черном, которая взволнованно покачивалась, прижимая к глазам кружевной платочек. Какие-то люди в пижамах, в домашних халатах – видимо, соседи – подходили к ней, а она стояла бледная, безучастная. Аид сразу узнал Деметру, несмотря на то, что видел ее раз в жизни. Тогда они невзлюбили друг друга настолько, насколько это вообще возможно для людей, едва перекинувшихся парой фраз. И теперь он растерялся, не зная, стоит ли выразить сочувствие. Или, может, надежду на то, что все будет хорошо? «Какое уж тут, к черту, хорошо».

– Лучше уйди. – Поймав его взгляд, Деметра царственно подняла голову, будто вмиг превращаясь из разбитой горем женщины в холодную статую. – Ты действуешь мне на нервы.

«Бедная мать. Надо посочувствовать. Заверить ее, что все будет в порядке». Вместо этого он, как заколдованный, спросил:

– Что с ней будет?

– Сам-то как думаешь? – закричала было Деметра, но, вовремя опомнившись, прикрыла рот ладонью и понизила голос. – Моя девочка в коме. Потеряла много крови. В нее стреляли... Нет, я как знала, как чувствовала...

– Она попросила меня приехать. – Аиду стало не по себе от взгляда женщины, и он неосознанно сделал упор на это «она», словно выставляя его перед собой на манер щита.

Деметра ткнула пальцем в сторону полицейской машины:

– А этого кто попросил приехать?

Он близоруко прищурился, пытаясь разглядеть ворочающийся силуэт за стеклом и жалея, что не носит очки. Стоп, это что...

– Сизиф? – Аид не верил своим глазам.

– Из-за тебя! Он хотел убить мою девочку из-за тебя! Так он сказал.

Мир сузился до размеров машины. Будто в замедленной съемке Аид увидел, как дверь автомобиля на секунду приоткрылась, выпуская полицейского, и следом за ним высунулась растрепанная голова.

– А еще она что-то выпила, – яростно доказывал Сизиф. – Потом швырнула в меня бутылкой, все разлетелось... Я нажал на курок... Я не стал бы ее убивать, только напугать хотел, клянусь! Я просто хотел жить, ясно вам? Мне нужны были деньги! А этот урод, этот садист конченный, последнее отобрал! Месть? Это не месть, это справедливость, какого хрена я должен был умирать? Адвоката! Требую адвоката!

Полицейские быстро затолкали его в машину, но он еще продолжал что-то вопить и отбрыкиваться, даже когда автомобиль тронулся. Аид отвернулся, охваченный жаркой, незнакомой раньше яростью. Он бы отдал многое, чтобы посмотреть на страдания Сизифа. Больше, чем его, он мог проклинать только свою неосмотрительность. «Я постараюсь забрать у тебя самое дорогое», – сказал Сизиф тогда возле моста. Но Аид не привык реагировать на людей, на их эмоции, которые попросту не понимал, на пустые угрозы и обидные речи, которые его не трогали, – и в итоге поплатился за это. Он инстинктивно сделал шаг навстречу скорой, но Деметра бросила на него предостерегающий взгляд.

– Если ты снова приблизишься к моей дочери, я позабочусь о том, чтобы это было последнее, что ты когда-либо сделаешь, – сказала она неожиданно спокойным голосом и, развернувшись, пошла прочь. Случайные свидетели происшествия тоже заторопились по домам. Как по команде, побережье вмиг опустело. Температура резко упала. Шелест волн почти стих. Деревья замерли.

– Да что же это, – пробормотал Аид. Все происходило слишком быстро, будто он провалился в кошмарный сон, едва закрыв глаза, и теперь оказался посреди калейдоскопа из обломков эмоций. Посреди места без света и тепла. Без надежды. Место страдания и страха. Место, откуда не сбежать.

Медленно кружась, на пальто опустилась снежинка. Затем еще одна. Аид запрокинул голову, сосредотачиваясь на неожиданном для весны снегопаде, чтобы заглушить внезапную бурю страха и надежды, охватившую его. «Сизиф сказал, что она что-то выпила... В ту ночь, когда мы видели живых покойников, когда я вернулся в дом Двенадцати, бутылки с той отравой уже не было на месте. Зачем? Зачем Персефона это сделала? Что такого она знала, чего не знал я? Она выпила яд, чтобы оказаться на Сайте? Чтобы подстраховаться? Увидела его с оружием и решила не сдаваться так просто? Это на нее похоже». Она ведь говорила с Дионисом перед его исчезновением. Аид подслушал диалог не полностью, но этого было достаточно, чтобы теперь шестеренки в голове закрутились, заглушая бешеное мелькание раздражающих, незнакомых прежде мыслей. Например, о всех мелочах, которые он не успел ей сказать. Он даже не извинился перед ней. Что ему стоило хоть раз извиниться за свои ворчание и подколы?

Подходящий момент для этого был уже после того, как они заглянули на Сайт.

== Зима ==

– У Адониса опять вечеринка на втором этаже. Надеюсь, хоть в этот раз он не будет все время с Дитой. Надо же уделить внимание каждому гостю...

Аид не представлял, кто такой этот Адонис, но, глядя на сияющее лицо Персефоны, решил, что он недурственно бы смотрелся распиленным на сотню маленьких кусочков.

– Надо еще забежать в общагу, переодеться... – продолжала болтать девушка.

«Если я скормлю его своим собакам, его ведь не найдут? Да, да или да?»

– Ты и сейчас ничего.

Ладно, это все были шутки. Ну да, немного мрачные шутки про убийство. Умом Аид понимал, что Персефоне жизненно необходим какой-нибудь розовощекий отличник с роскошными мускулами и смазливой рожей, которому можно морочить голову, обжиматься с ним по углам, глазеть на цветочки, вместе мечтать о свадьбе, детях и ипотеке, или о чем там еще мечтают влюбленные, а потом спокойно бросить его и найти другого, точно такого же, чтобы Аид ненавидел и его точно так же, бросая мрачные взгляды в духе: «Только попробуй обидеть эту королеву, засранец, и даже самый умелый танатокосметолог¹² не сможет потом отреставрировать твою мордашку».

– Не уверена... Возможно, я переоденусь в красное.

– Оно тебя старит, – буркнул Аид, даже не глядя в ее сторону.

– А белое?

– Полнит.

– Серьезно?

– Угу. Кошмарно выглядишь. – На самом деле ее изящной фигуре с тоненькими запястьями и выпирающими ключицами могла позавидовать любая топ-модель из тех, что бегали за Аполлоном.

Она наигранно возмутилась:

– Дурацкая шутка, немедленно извинись!

– Тогда возвращайся скорее. – Он наконец оторвал взгляд от книги, из которой не запомнил ни единой строчки. – Извинюсь. Даю слово.

«Возвращайся. Я покажу тебе свою душу», – эти слова лучше выразили бы его мысль, но он, конечно, ни за что бы ни произнес их вслух, одна формулировка повергала его в ступор.

Протаращившись в книжку еще около часа (самый никчемный час в его жизни, потому что взгляд то и дело соскальзывал со строчек, которые не представляли для него ни малейшего интереса), Аид задремал, так и оставшись полулежать в гигантском кресле.

Очнулся он от ощущения, что кто-то уселся на подлокотник.

– Что, вечеринка не очень?

– Кажется, кое-кто там был не особо мне рад. – Персефона пожала плечами. – Знаешь, типичная плебейская реакция: ненавидеть то, чего не понимаешь.

Ее темные глаза мерцали – звезды, скрытые за тяжелой пеленой ночного неба, и у Аида будто внутри затянулся узел, когда она посмотрела на него.

– Хотела спросить кое-что.

Он изогнул бровь:

– Да?

И только сейчас почувствовал, как что-то холодит его шею. Он осторожно скосил глаза. Короткое прямое лезвие, костяная рукоятка с серебристыми письменами.

Справедливости ради, это его не особо удивило. Чего-то в этом духе он всегда от нее ожидал. И, черт возьми, в ту минуту она была прекрасна. Она была очаровательна в своей отравляющей сущности, обычно скрываемой под тысячей нежных цветов. И вот эта девушка рассердилась, когда он заподозрил ее в убийстве Семелы? Было бы с чего.

– Где ты вообще взяла эту штуку? – спросил он.

– Мапочка подарила. Дамасская сталь!

– Напомни мне никогда не связываться с твоей матерью, хорошо?

Она нервно хихикнула.

– Вчера ты спросил у меня, не я ли убила свою соседку. Семелу.

¹² *Танатокосметолог* – визажист для мертвецов. Гримировал покойника и придает его лицу относительно «живой» вид, в том числе при наличии на лице серьезных повреждений, приведших к смерти.

– Точно, – кивнул Аид, вздрогнув, когда она подставила палец к губам. – И если ты так отводишь от себя подозрение, получается у тебя не очень.

– Со мной-то все понятно, у меня алиби. – Она машинально поправила спадающий вырез белого платья. Ее кожа светилась в полутьме, как рассветное облако. – А вот твое алиби сомнительно. Вернее, я, конечно, тебя прикрыла, но мы-то знаем, что у тебя его не было...

Аид не знал, как реагировать на творящуюся чертовщину. Он даже не был уверен в том, что это ему не снится. Хотелось только смотреть в бездонную глубину этих странных, точно неживых, навеки замороженных тайной, огромных глаз. Хотелось видеть эту безумно алую улыбку. Хотелось слушать и слушать тихие, странные слова, неторопливо падающие с этих очаровательных губ. И, желательно, без холода у шеи – поэтому он резким движением выдернул нож из пальцев Персефоны и отшвырнул его в сторону. Оглушительный звон, пронесшийся по всему Царству, казалось, не смутил ее.

– А ну, признавайся, – пропела она, нависнув над ним на локтях. Шутя? В этом Аид был не уверен. Ее большие оленьи глаза искрились от сдерживаемых эмоций: он видел улыбку, но и угрозу тоже. И затаенный страх. И ощерившегося зверя.

Он тихо засмеялся, не удержавшись, и помотал головой, мол, «это точно не я». Аид понимал, что это даже не полноценный ответ, но этого оказалось достаточно, чтобы Персефона не пыталась дознаться любой ценой.

– Пожалуй, мне надо извиниться. – Она не спешила отстраняться.

– Чего уж теперь, – буркнул Аид.

– Скажешь еще что-нибудь на пассивно-агрессивном?

Он склонил голову набок, рассматривая ее сосредоточенное и заинтересованное лицо.

– Хватит уже искать виноватых. Смерть поимеет всех.

Она протянула чуть подрагивающую руку и осторожно очертила пальцем линию его скулы, опустила ладонь ниже, проходясь пальцами по кадыку, воротнику рубашки, касаясь пуговиц. Аид нахмурился, чувствуя, как горят щеки. Вот что за женщина? Ощущение от прикосновений было такое, будто она вошла на его территорию. Перебралась через ограду, вторглась в дом и натоптала грязными ботинками по идеально вылизанному полу. Великое кощунство в его маленькой религии. Катастрофа замкнутого мирка, посреди которого возникло море с несмолкающим штормом, а беспорядок, изменения и вмешательства всегда выводили Аида из себя. Но только не тем вечером, хотя раньше физическая близость вызывала у него недопонимание, закономерный вопрос: «Зачем?»

Персефона, кажется, поняла причину его растерянности, потому что замерла, и тогда он сам рывком подался еще ближе, резко сокращая расстояние между их телами до дюймов. Ее губы оказались мягче, чем его собственные, мягче, чем все, что он когда-либо трогал, и этот осторожный, почти невесомый поцелуй так не вязался с нервной грубостью его движений, что Персефона, кажется, тоже оробела на секунду.

Не то чтобы Аид умел целоваться. Сложно уметь то, с чем никогда не сталкивался раньше. Всю жизнь общество людей вызывало у него бессознательное отвращение. Будь его воля, он бы просто выключил механизм у каждого человека, расставил их всех по полочкам и приклеил на каждого этикетку, чтобы упорядочить их и больше к этой проблеме не возвращаться. «Может, я стукнулся головой и не заметил этого. Или сошел с ума», – иного объяснения своему поведению он не находил, хотя пытался. Пытался, когда она настойчиво толкнула его в грудь, заставляя откинуться на спину. Когда ловко и быстро уселась на бедра, когда возилась с пуговицами и ремнем и водила пальцами по груди, словно чертя какие-то тайные, понятные ей одной знаки. Он неосознанно изучал каждый ее жест, отмечал каждое движение, ловил каждый вздох. Ему казалось, что мир кружится вокруг него, как адский водоворот, захлестывая волнами, – и от этого было одновременно так хорошо и так плохо, что тело немело. Пер-

сефона впилась зубами в плечо – быстро, но достаточно сильно, чтобы повредить кожу и оставить след. Он не вскрикнул, но выдохнул, коротко и резко, и она нежно улыбнулась.

Они смотрели друг на друга безотрывно. Кровь стучала в висках гулким барабаном. Аид потянулся, чтобы стянуть расстегнутую рубашку, но Персефона вдруг неожиданно жестко бросила:

– Оставь!

От ее голоса жаркая волна прошла по всему телу, и Аид почувствовал, что немного дрожит, или, может быть, это дрожала Персефона, и он оплел пальцами ее шею, и незримая волна, наконец, перестала захлестывать, подхватила его и понесла. Он прижался взмокшим лбом к ее виску, и почти сразу же на Аида навалился сон, будто ему завязали глаза. И, очнувшись на рассвете, он первым делом вспомнил, что всего лишь через неделю наступит весна, и программа обмена Персефоны закончится, и она уедет. Но тогда это показалось ему неважным, потому что вчера к нему приходила девушка, которая – он больше всего на свете хотел поверить в это (пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет так) – которая действительно любила его.

== Весна ==

Аид резко захлопнул дверь автомобиля, спасаясь не то от разыгравшегося снегопада, не то от назойливых воспоминаний. «Да черта с два меня остановит твой коматоз. Видимо, ты и я в самом деле симбиозное существо, которое кто-то когда-то разделил». Он завел машину, обещая себе успокоиться и обдумать все по дороге до кампуса.

Все-таки весна в этом году выдалась чертовски холодной.

Часть 12. О вине и психологах

Утро не принесло ни малейшего облегчения. Ари чувствовала себя еще более уставшей и разбитой, чем была накануне. Белая муть за окном тоже мало воодушевляла: за весеннюю ночь, вопреки всем прогнозам погоды, выпал снег.

– Что насчет твоего эссе? – хмуро спросила Афина, заметив, что она проснулась. – Можешь начать уже сейчас, чтобы мы успели его разобрать.

– Эссе? – Ари на секунду отвлеклась от созерцания трещин на побелке. – А, ты про мою «Жанровую специфику». Я вчера так устала, понимаешь...

Афина насупилась еще больше, и Ари невинно захлопала ресницами:

– У меня неприятности?

– Догадайся.

– Нет?..

– Попробуй еще раз. Из-за тебя мой график к чертям полетел!

– Прости, – протянула Ари по дороге в ванную. – Может, потратишь этот час на что-то еще, не на меня? Или на кого-то. Тебе, наверное, тоже иногда бывает скучно сидеть в четырех стенах, постоянно следовать расписанию, поставленным целям...

Афина приподняла бровь:

– Даже если я не достигну всех целей за один день, то поднимусь выше, чем смогла бы, если бы вообще не ставила их перед собой.

Белокурая голова Гестии показалась из-за спинки ее любимого дряхлого дивана:

– Афин, она намекает на то, что ты можешь завести новые знакомства. Давай тебе парня найдем!

– Не надо, мне и так очень плохо. – С тяжелым вздохом она отстранилась от экрана ноутбука. – Ладно, сгоняю в кафе. Специально надену каблуки, чтобы вы слышали мои шаги, когда я приду за вами, и успели раскаяться в грехах. Лентяйки!

– А я-то что, – проворчала Гестия, но подруги уже и след простыл. – Вот вечно она так. Знаешь, как она возмущалась вчера вечером? Препад забыл, что задавал подготовить презентацию. Так она начала стыдить его перед всей группой, он чуть сквозь землю не провалился. Все, кто не сделал презентацию, кстати, тоже. Кто же знал, что она все запоминает.

Иногда Ари казалось, что придет день, когда Афина загрузит в свою безразмерную память информацию вообще обо всех явлениях и всех живых организмах, когда-либо существовавших и существующих в этой необъятной вселенной, встанет со стула, отряхнется, спокойно скажет: «Ну, на этом моя миссия окончена» и удалится куда-то за линию горизонта.

Ари высунулась из ванны:

– Подруженька, уже семь утра, я ни разу не слышала, чтобы ты сегодня бормотала себе под нос какие-нибудь шекспировские строки, ты в порядке?

Гестия улыбнулась, откидываясь обратно на гигантский диван, на котором она казалась совсем маленькой и хрупкой девочкой.

– Последний месяц я увлечена Байроном вообще-то. Ты что, даже не заметила подмену? Ну и кто из нас двоих на филфаке?

– Дух Афины, изыди из тела моей малютки Гестии! – Поколебавшись пару секунд, Ари села рядом и крепко обняла ее. – Я рада, что ты в порядке. Почему тебя вообще так быстро выписали? Это... не опасно?

– Ай... Задушишь! Что это с тобой вдруг?

– Вообще-то я за тебя волновалась, неблагодарная ты засранка. – Ари шутливо пихнула ее плечом, ослабляя хватку, и Гестия обвила ее шею руками в ответ.

– Я ведь всего лишь ударила головой!

– Ничего себе «всего лишь». Могло быть хуже, как... – Ари не договорила, но знала, что Гестия поняла: могло быть как с Гиацинтом, их погибшим преподавателем. Как с Аполлоном, впервые столкнувшимся с событием, которое ему не по силам.

Гестия ловко сменила тему:

– Дом, милый дом... Что тут произошло интересного? Пока меня не было.

Ари нахмурилась, не зная, как изложить всю безумную информацию, обрушившуюся на ее голову за вчерашний день, и надо ли ее вообще излагать. А перестрелка? «Черт, я успела забыть про перестрелку. Надо будет навестить Артемиду, узнать, как там ремонт ее машины...»

– Я вот еще один стих выучила. Пока в лазарете была, читать не разрешали, но одна девочка забыла книжку, когда выписывалась, представляешь? – Не обратив внимание на замешательство подруги, Гестия откашлялась и, воздев руки и подражая интонациями профессиональному чтецу, начала декламировать:

– Помнишь, печалась,
Склоняясь пред судьбой,
Мы расставались
Надолго с тобой.
В холоде уст твоих,
В сухости глаз
Я уж предчувствовал
Нынешний час...¹³

Ари поморщилась, утыкаясь в ладони. Ощущения от стиха были такие, будто чужие когти скребли ее изнутри, и дело здесь было не в личной неприязни к лорду Байрону. Ей пришла на ум Чистка, то, как неведомая тварь полосовала грудь Зевса – наверное, это было похоже по степени боли.

Заметив ее реакцию, Гестия вскочила на ноги:

– Прости, я не подумала! Я не хотела...

– Нет, это глупо, глупо. – Ари резко отодвинулась от нее и делано хохотнула. – Это всего лишь стих. Становлюсь сентиментальной... Наверное, еще не до конца проснулась.

– Может, проговоришь свои переживания?

Ари подняла голову, отнимая ладони от лица. Гестия склонилась над ней, почти касаясь странно подстриженными волосами: будто парикмахер не успел закончить каре и оставил часть ее светлых густых прядей длинными, нетронутыми. Глаза, напоминающие почти прозрачный голубоватый лед, смотрели обеспокоенно, и в сочетании с чуть вздернутым носиком и почти незаметными из-за белизны бровями придавали ей вид опечаленного ребенка. Гестия была самой очаровательной среди их небольшой компании: то гостеприимно зазывала к ним весь этаж, дабы пить, танцевать и наслаждаться жизнью, то слушала вечерами старые андеграундные песни и выпекала печенье, то вела альбомы с вырезками фотографий и подписями к ним, зажигала маленькие свечи в каждом углу и сетовала на отсутствие камина – да-да, это в общезжитии. Словом, на ее фоне Ари с Афиной казались прожженными циничными дамами с внушительным багажом в виде травм и несбывшихся ожиданий.

– Не полноценная психотерапия, конечно, я ведь только учусь, но это может помочь.

«Нет, нет. Иногда боль лучше ни с кем не делить. Иногда лучше справляться с ней в одиночку».

– Это плохая идея.

¹³ Дж. Байрон. «Расставание».

– Ты только что сказала фразу, которая должна быть написана на двери в нашу комнату! Наш девиз по жизни. Ну же. – Маленькая рука с серебряными колечками легла на плечо Ари. – Нет нужды страдать в одиночестве, это какая-то нездоровая фигня, понимаешь? Привыкая притворяться перед другими, мы, в конце концов, начинаем притворяться перед собой.

Ари грустно улыбнулась:

– Да, ты станешь отличным психологом. Сделаешь мне скидку? А то вижу цены за один сеанс и как-то начинаю верить в психосматику и силу самовнушения.

Она не знала, как проговорить, что после пропажи Диониса прошло не так уж много времени, а она уже вся на иголках. То, что рабочий стол становился все более беспорядочным, мысли и слова – хаотичными. То, что ей хотелось только пить и злиться, а временами еще и умереть от приступа воспоминаний. То, что неосознанно искала Диониса даже во сне, пыталась обнаружить намеки среди заметок в его любимых книгах и в каких-то дурацких смешных записках, которые он иногда подсовывал ей под дверь, а Афина, находя их на пороге, каждый раз закатывала глаза и побыстрее совала Ари. То, что до весенних каникул она явно будет жить только на тяге озлобленности, потерянности и пассивной истерики, которая все ближе подкатывала к горлу. А все весенние каникулы она убьет на хандру по тому несбывшемуся будущему, которое могло бы быть и которому никогда не бывать, на которое она даже не смела надеяться, но которое рисовало перед ней предательское воображение.

– Знаешь, это так странно. – Ее голос сорвался. – На самом деле мы ничего друг о друге не знали.

«Ощущение потери, будто... Руку отрезали. Еще и попытались затолкать мне же в задницу». Ари снедали растерянность, неопределенность. Может, он валяется после внеплановой попойки в мусорном баке на другом конце города. Может, он все-таки отправился на Сайд в поисках... В поисках чего? Возможного оживления мертвой подружки? Или прощения Семелы за косвенную вину в том, что она застряла в другом измерении? И что, Ари теперь останется жить с неизвестностью? «И с сомнениями о том, не был ли твой мальчик манипулятором со множеством секретов».

Слишком уж много вопросов для одного человека. Ари не готова была стать главным героем этой запутанной пьесы, где сцена – не просто кампус, но и другое измерение, и самой вершить собственную историю, которую, увы, не будут пересказывать, рукоплещая, путаясь в словах, восторженно подбирая меткие эпитеты. Впрочем, может, ей еще повезет. Может, не все так серьезно, и со дня на день будут новые правки от сценариста, и окажется, что ее роль – пара строчек в духе «кушать подано». И вся эта чертовщина закончится.

– А может, я просто драматизирую. В конце концов, его не было две недели... Может, он вообще по пьяни на курорт махнул? И телефон потерял.

Гестия встрепенулась, бросив на нее странный взгляд:

– Две недели?

– Да, а что?

Не отвечая, соседка бросилась на кухню, шлепая босыми пятками по полу. Ари последовала за ней.

– Вот. – Порывшись на полке, Гестия протянула бутылку, аккуратно обернутую бумагой. – Он сказал... Как же он сказал?

Ари молчала, со странной надеждой ощущая в руках тяжесть стекла. Ладони слегка задрожали.

– Дионис сказал, цитирую: «Отдай это сокровищу моего сердца через две недели ровно». И все! Больше не появлялся. *In vino veritas...*

– ...in aqua sanitas¹⁴, но сейчас нам плевать на здоровье, не так ли? – Она с неожиданной злостью разорвала обертку, провела пальцем по кремовой этикетке. – Почему, мать твою?

Гестия испуганно попятилась.

– Я не пони...

– Почему ты отдала мне его только сейчас? – крикнула Ари. – Как могла не сказать раньше? Ты же видела, я хожу тут, как гребаное привидение! Страдаю, ною, снова страдаю! И так по кругу! Так сложно было сказать, что ты общалась с ним? Жопа бы отвалилась?

– Я не подумала! Он пришел вечером, я была уже уставшая. Вы с Афиной были на первом этаже или, может, в комнате отдыха, я не помню... Он спросил, не знаю ли я, где ты сейчас. Дал бутылку, попросил спрятать и отдать через две недели. Я предложила тебя подождать, он отказался. Я думала, может, сюрприз какой-то хочет сделать... Забыла вообще, честно...

– Как? – взвыла Ари. – Я просто ходячее напоминание об этом!

– Вспомнила уже после взрыва, в палате. – В ее тихом голосе звенели слезы. – Совершенно случайно, просто мысленно прокручивала все события, чтобы отвлечься, я ведь ударила голову и...

– Может, тебе стоит почаще это делать! – Ари осеклась, увидев лицо соседки. – Извини, я... я не это имела в виду. Просто... Скорее всего, он знал о том, что придется исчезнуть, поэтому попросил передать мне эту вещь. Это не выглядит как совпадение. Выходит, он точно исчез по своей воле? Или предчувствовал, что ему угрожает опасность. И ничего мне не объяснил? Получается, так?

Гестия не ответила. Поджала губы и отвернулась, начиная готовить свой любимый горячий тост с кусочком тающего масла и клубничным джемом.

– Мне тяжело. – Ари откашлялась. – И страшно. Знаю, это не оправдание, но, может, ты права. И мне не нужно держать все в себе.

– Конечно, я права! – Гестия, судя по лицу, слегка оттаяла и принялась крутить ручку приемника, из которого полилась тихая мелодия. «Красиво», – подметила Ари, несмотря на состояние изорванной в клочья тряпки. Эта музыка напоминала ей танцы на крыше с бутылкой теплого сидра, купленного втайне от папы, и ощущение, что весь мир вот-вот падет к твоим ногам, и он правда падает – потому что у тебя впервые получились ровные стрелки, и ты идешь по залитому солнцем городу и готова расцеловать каждого мальчишку, который попадется на пути. «Как же просто все тогда было. Когда я успела вляпаться в такую чертовщину? Может, позвонить отцу, спросить, как дела? Да нет, глупости все это, он слишком занят».

– Ари, твои проблемы не вечны. Ты проснешься однажды утром и поймешь, что тебе хочется жить. Ты снова будешь чувствовать себя в порядке, обещаю.

– Боюсь, эта история добьет меня раньше, чем все наладится... – Она обессиленно выдохнула, прикрыв глаза. – Да, если я все же умру, завещаю мое тело науке. Кроме среднего пальца. Его отдайте Дионису, если этот засранец найдется.

– Конечно, найдется! От тебя не так-то легко отделаться.

– Вот спасибо.

– И я сейчас даже не про твой кошмарный характер. Дело в том, что ты точно справишься. Внутри тебя сталь, ты можешь быть храброй и несокрушимой. И тебя сложно сбить с пути.

Ари могла только порадоваться, что кто-то был настолько хорошего мнения о ней, потому что ее мнение о себе сильно отличалось от услышанного. Да, у нее будто от природы были невидимые другим когти и клыки, и она никогда не могла удержаться от их использования, не могла подавить ту часть себя, которая вляпывалась в неприятности и тянула на темное дно все, что Ари выстраивала. И едва ли это можно было назвать силой, о которой говорила Гестия. А про путь... Что-то будто всегда гнало Ари в дорогу. Еще с детства она шаталась по всем возмож-

¹⁴ «Истина – в вине, здоровье – в воде» (лат.).

ным кружкам и секциям, пользуясь хорошим заработком отца, нигде не задерживаясь надолго. Она интуитивно выбрала университет и факультет, и теперь была только на втором курсе, а уже подумывала сменить специализацию. Правда, дальше пустой болтовни это стремление не заходило из понимания, что она успела сродниться с этим местом, и из желания закончить начатое. Но можно ли это назвать «сложно сбить с пути»? Ари сомневалась. Как сомневалась и в том, что так можно охарактеризовать девушку, слепо убившую многие месяцы на человека, не погнушавшегося повесить на нее всю вину в преступлении и сдать ее полиции. И еще на одного человека, про которого она, судя по всему, вообще ничего не знала.

Она провела пальцами по бутылке.

– И что мне теперь с этим делать?

– Выпить. – Гестия пожала плечами. – А что еще можно сделать с хорошим вином?

* * *

Этот же вопрос слово в слово задала вчера мама Персефоны, пока Ари с аппетитом уплетала пасту, еле удерживаясь от вылизывания тарелки. Обед оказался вовсе не так ужасен, как она опасалась: ей почти не приходилось поддерживать беседу, превратившуюся, в основном, в монолог Деметры, которому они с Персефой время от времени поддакивали. Где-то между фразами о погоде и последних новостях геополитики женщина поинтересовалась, не налить ли им вина. Ари поспешно замотала головой – не хватало еще показать себя не только непрошеной гостьей, но и любительницей выпить. Деметра только пожала плечами в ответ на ее отказ и со смехом вспомнила, как на последней вечеринке сосед предлагал ей сварить напиток с грибами спорыньи. «Вот там действительно было от чего отказываться. Кикеон¹⁵, девочки. Представляете? Смех, да и только».

«Вообще-то это то, что могло бы ему пригодиться», – вдруг тихо сказала Персефона, подтолкнув Ари под столом. Ее голос звучал едва различимо, но Деметра все равно услышала и отстранила бокал.

«О ком вы, девочки?»

«Да так, о своем», – ответила Перси с нажимом.

Ари поняла ее без лишних слов, хоть и не представляла, что ей делать с этой информацией, гадая, мог ли Дионис получить успешный результат с использованием более экзотических психodelиков. Может, и правда что-то получил?

* * *

Ари одолевала сомнения. Наконец, она водрузила вино на стол и быстро отдернула ладонь:

– Нет, не буду.

– Боишься, что он тебя отравить хотел?

– А что, вполне мог. Я уже ничему не удивлюсь. Такие вот у нас высокие отношения, – мрачно пошутила она.

– Попробуй. Надо рисковать! Как говорил наш препод, ты никогда не будешь моложе, чем сейчас, так что действуй, пока есть возможность!

«Ох уж мне эти психологи».

¹⁵ Кикеон – напиток на основе измельченного жареного ячменя. Выпивался участниками Элевсинских мистерий, посвященных Деметре. Ученые полагают, что эффект Элевсинских мистерий основывался на воздействии на участников психodelика.

– Если бы все было так просто... – проворчала Ари. – Оно тоже перенесет меня на Сайд? Выпить, а потом умереть? Или он все-таки нашел нормальный рецепт... Ему так сложно было приложить инструкцию?

Гестия вытаращила глаза:

– Ты о чем вообще? Это обычное красное сухое. Что может пойти не по плану?

– Все что угодно.

«Теперь-то я это знаю».

Она искренне надеялась, что Дионис хотя бы не ушел на Сайд. Как там он говорил Персефоне? Если она не соврала, конечно, и если это не окажется игрой в «испорченный телефон». С его слов, люди, попавшие на «ту сторону», приходят во снах и видениях к тем, с кем у них сильная эмоциональная связь. Это казалось глупостью, но Ари сложно было принять даже возможность того, что у Диониса с ней такой связи, получается, не было вовсе, ведь он не снился ей ни разу. Конечно, придется рассматривать и вариант его местонахождения на Сайде. И то, что он где-то в этом мире. И искать тело Семелы, ведь он искал и вход на Сайд, и ее тело, а значит, это как-то взаимосвязано... «Мне кажется, я знаю, кто ее убил», – сказал он за пару дней до исчезновения. Бросил куда-то в сторону и тут же сменил тему, и тогда Ари приняла это за пьяный бред, но теперь ей так не казалось. Что, если он слишком быстро подобрался к разгадке?

Голова пылала, и Ари не слышала, что именно удивленно говорила Гестия. Она пришла в себя только от ощущения горячей руки на плече.

– Знаешь, что я терпеть не могу? Секреты и недомолвки.

– Я тебе все-все расскажу, – пообещала Ари. – Но сначала мне нужно кое-что обдумать.

– И что же?

Да, ей опасно в это лезть. Да, на ней обвинение в убийстве. И все же...

– Мне нужен свой человек в полиции.

Часть 13. О сестрах и искусстве

Очередная ссора сиятельных близнецов принесла немало головной боли поклонницам и поклонникам Аполлона, вынужденным смиренно выслушивать его жалобы на сестру. И сам Аполлон это прекрасно понимал, но остановиться уже не мог, да и не особо хотел:

– Высокомерная и грубая тиранша!

Проходившие мимо Гипнос и Танатос¹⁶, абсолютно одинаковые студенты, отличающиеся только цветом волос, недоуменно оглянулись на него. Но Аполлон продолжил громко возмущаться:

– Это если приукрасить! Злая, нестабильная, ненавидящая все вокруг – это если говорить чистую правду. Она мечтает показаться особенной, независимой, эксцентричной! А потом просто открывает рот, и вуаля – вы уже готовы посулить ей любые деньги, лишь бы она снова его закрыла! Бездна случай!

– Стерва, – поддакнул Адмет¹⁷.

Аполлон помрачнел еще сильнее.

«Кажется, этот славный малый стал слишком много себе позволять», – решил он.

– Мой юный друг, – Адмет был младше лишь на год, но Аполлон нарочно сделал упор даже на этом различии между ними, – ты сумел подобрать крайне емкое описание, чудесный пример метонимии...

Дождавшись, пока собеседник просияет от неожиданной похвалы, Аполлон резким движением сорвал с Адмета солнцезащитные очки, в точности повторяющие его собственные, и заглянул в широко распахнувшиеся зеленые глаза.

– Есть только одно «но». Она моя сестра, и если такие слова про нее скажет кто-то, кроме меня, то у биологов в анатомическом зале появится новый экспонат, это понятно?

Все закивали.

– Да, она на редкость недалекая мизантричка. Еще и эти ее провальные проекты попыток спасти планету от загрязнения...

Услышав редкие аплодисменты за спиной, перекрывающие одобрителы́е возгласы его компании, он обернулся.

– Bravo, это так трогательно, – издевательски процедила Артемида, засовывая руки в карманы. – Правда, не знаю, как твоим оруженосцам еще не надоело ныть психически неуравновешенного ребенка, помешанного на превосходстве над другими.

Рыжая Каллисто, вечная подпевала его сестрички, таращилась на него с демонстративным презрением. Казалось, над ним издеваются даже пучеглазые медвежата на ее кошмарных носках, выглядывающих из топ-сайдеров. Аполлон скрипнул зубами, невольно оглядываясь на ребят в поисках поддержки. Хуже нравочений сестры, которая старше тебя на час, но ведет себя так, будто уже прожила долгую сложную жизнь, может быть только ее же желание оспаривать твой очевидный авторитет.

Артемида расслабленно постучала по полу носком туфли.

– Что же ты разбазариваешь свой талант прямо в коридоре, среди бела дня? Может, сочинишь какой-нибудь поэтический высер о злой сестре, которая, подумать только, побеспокоилась о твоём будущем? Конечно, эта тема нахрен никому не упала без твоих попыток заслужить их, – она указала подбородком на его товарищей, – одобрение. Привлечь к себе внимание. Раздуть важность своей персоны! Напомни, Каллисто, – она обернулась к подруге, – когда у него там вечер поэзии?

¹⁶ *Гипнос* – персонификация сна, *Танатос* – персонификация смерти.

¹⁷ *Адмет* – царевич из Фессалии, близкий друг Аполлона, который служил у Адмета в пастухах.

– Так «Оракул» взорвали. Теперь поэтический шабаш только через месяц.

– Прекрасно! Куча времени, чтобы подготовиться и уж наверняка не облажаться. Ты же не хочешь выйти из моды, да, братец? Главное, чтобы петь не начал. – Артемида театрально скривилась. – Когда он тянет, из него будто бесы выходят!

– Воет, как в последний раз, – поддакнула Каллисто под ее строгим взглядом.

– Его максимум – чудом не продуть музыкантишке Марсию¹⁸ на задрипанном конкурсе талантов. И то, чуть не разрыдался от того, как близко был к провалу!

Адмет не выдержал, ошарашенно заморгал:

– Да какого черта на вас нашло?

– Нет нужды, – холодно остановил его Аполлон. Заступничество, как и жалость, вызывали у него презрение. – Дадим высказаться дамам. Видишь, у них накопело.

Артемида сделала шаг вперед, и, когда она заговорила, ее голос звучал совсем иначе:

– Всего лишь порция зеркалок на твои инфантильные оскорбления. Надеюсь, видно, насколько нелепо это выглядит со стороны.

– О, снова попытки научить чему-то непутевого братишку! – Аполлон расхохотался. – Как же я сразу не догадался? Как насчет найти занятие поинтереснее? Иди дрожи на свои гринписовские сайты, или на что ты там еще способна. Как вариант, отправляйся ублажать своих подружек, с которыми ты носишься круглыми сутками!

Он снова оглянулся на ребят, но у тех, кажется, немного поубавилось энтузиазма. Кто-то переминался с ноги на ногу, явно надеясь поскорее уйти. Аполлон шумно выдохнул.

«Перегнул палку? Перегнул. Да и хрен с ней, с этой дурой. Будет знать, как лезть».

– Что ж. – Артемида пожала плечами. – Надеюсь, тебе стало чуточку легче. Все мы знаем...

– Легче? Лично я не вижу никаких сложностей, – ответил он.

Аполлон почти ненавидел ее в эту минуту за драматичный взгляд и этот сочувствующий вид. Будто она, никогда ни в кого не влюблявшаяся, кроме самой себя, могла понять, что он сейчас чувствует. Неизвестно, что бы еще он наговорил, если бы не увидел, как через толпу студентов к Артемиде пробирается его однокурсница Ариадна:

– Эй, как там твоя Лань? Оставила в автосервисе? Привет, кстати!

– Ты очень вовремя, – улыбнулась Артемида и, повернувшись, пошла ей навстречу.

Аполлон проводил взглядом ее крепкую фигуру и бросил:

– Остерегайтесь, друзья, вот так моя сестричка заманивает людей в секту поклонниц «Гринписа». Ариадне уже не помочь...

Фраза была встречена взрывом одобрительного смеха.

До общежития его провожали человек семь, среди них – хорошенькая, слегка неуклюжая первокурсница Кассандра с толстой каштановой косой и трогательными ямочками на щеках, девочка, которую Аполлон приметил еще на дне открытых дверей, и он, конечно же, дежурно пошутил насчет ангела, упавшего с небес, отчего щеки у нее чуть порозовели. Ветер раздувал ее простое платье, и все, чего хотел Аполлон, – чтобы этот гребаный весенний ветер обернулся ураганом и снес университетские стены, нависающие над ним величественной громадой, вывернул вымощенную серым камнем дорогу, выкорчевал далекие редкие деревья с молоденькой листвой и обратил самого Аполлона в прах.

Потом парень подпирал дверь, облепленную эстетичными полароидами, вдохновляющими на учебу, вперемешку с черно-белыми фотографиями топ-моделей, долго прощался со спутниками, дожидаясь смазанного поцелуя в щеку и сам дарил такой же в ответ.

Потом зашел, разулся, глотнул отфильтрованной воды, повалился на кровать.

Почувствовал, как слезы катятся по щекам.

¹⁸ *Марсий* – сатир, пастух, состязавшийся с Аполлоном за звание лучшего музыканта.

Горький ком невысказанных слов физически ощущался в горле, и Аполлон нервно приподнялся на локте, стараясь избавиться от этого мерзкого чувства. Ему захотелось выхватить лист бумаги из стопки на письменном столе и строчить, строчить собственные мысли, не редактируя, не расставляя знаки препинания. «Если бы я мог, – подумал он, чувствуя приближение приступа истерики. – Если б я только писал так, как думаю, одержимо, непрерывно, с безумной жадой и неизбежной тоской».

До удушья.

До нервного срыва.

«Контролируй себя. Контролируй себя, черт бы тебя побрал!»

Он зажал рот руками, стараясь не взвыть. «Будь ты жив, я написал бы для тебя гораздо больше, чем скупую строчку эпитафии. Я бы прошел через это возвышенное, болезненное чувство и, скорее всего, в итоге перестал бы любить, ведь это так на меня похоже, стал бы камнем, а потом заново изваял себя самостоятельно, будто я – и Микеланджело, и кусок мрамора, и скапель».

Он рассерженно смахнул слезы и, стараясь отвлечься, вскочил и принялся расхаживать по залитой солнцем комнате, размахивая руками. Стук сшибленной со стола толстой тетради вырвал его из пучины эмоций. Аполлон склонился над ней.

«Интегративное искусствознание». Дополнительный факультатив по средам и четвергам, с девяти до десяти.

«Напишите на тетради хотя бы название предмета, – мгновенно зазвучало в памяти. – Вы думаете, я, например, очень хотел делать титульный лист для нашего сегодняшнего материала? Гораздо больше я хотел бы купить торт и выпить чашечку эспрессо на первом этаже».

== Осень прошлого года ==

В тот день Аполлон опаздывал. В принципе, он мог вообще пропустить занятие, но ему претила мысль показать себя чуть менее прилежным студентом, чем демонстрировал созданный им образ. К тому же благодаря опозданию у него появлялся лишний шанс обратить на себя всеобщее внимание (и внимание одного конкретного человека, на которого Аполлон пытался равняться в вопросах изучения искусств). Он замер напротив аудитории, стараясь отдышаться, пригладил растрепавшиеся золотистые кудри и медленно потянул на себя дверь, прислушиваясь.

– Итак, классическая германская эстетика рассматривает искусство как целесообразную деятельность без цели. Мы же возьмем за основу мысль о важности искусства как проявления и выражения бытия «Абсолютного Духа». Этот момент понятен?

Ряды студентов загудели, соглашаясь.

– Замечательно, за пять встреч мне удалось сделать из вас секту! Теперь...

Дверь душераздирающе закрипела, и преподаватель запнулся, а головы студентов как по команде повернулись в сторону Аполлона. Довольный произведенным эффектом, тот расправил плечи.

– Кажется, у нас в палате пополнение! – воскликнул Гиацинт, быстро заморгав, будто выходя из транса. – Заходите и прикрывайте двери плотнее: все мы, конечно, безмерно уважаем декана, но сейчас ему здесь не место...

– Прошу извинить, – начал было Аполлон, но Гиацинт лишь махнул рукой, приглашая его пройти в зал, и больше не удостоил ни единым взглядом, продолжив речь.

Хмурясь, Аполлон уселся на место, почти не слушая лекцию. Излишне бодрый голос Гиацинта странным образом действовал на нервы. Иногда преподаватель прерывался и вертел ручку проигрывателя, и тогда на экране сменялись яркие кадры какого-то старого фильма – сущий кошмар эпилептика, от которого даже у Аполлона разболелась голова.

– И вот мы слышим закадровый голос, объясняющий явление. Выражаясь более поэтично, это грозная могучая молния, разверзающая покров бытия, озаряющая холодный темный свод существования. Она либо бьет мимо вас, либо ударяет прямо в сердце. На первый взгляд данный пассаж не несет в себе никакого дискомфорта...

Зато ты несешь, рассеянно подумал Аполлон. Он опустил голову на руки, прижимаясь щекой к серой ткани водолазки. Стало чуточку легче. «Да что за чертовщина со мной творится?»

– Аполлон, – шепнула Дафна, оборачиваясь. Язык казался ему слишком непослушным, чтобы ответить, и тогда острый ноготок девушки, покрытый красным лаком, коснулся его голого запястья.

– М-м?

– Все в порядке?

– Господа и дамы, – окликнул их Гиацинт. – Возможно, если ваше дело важнее, чем это занятие, вы могли бы обсудить его в коридоре? В противном случае, потерпите до перерыва, пожалуйста. Осталось десять минут.

– Кажется, Аполлон плохо себя чувствует, – обеспокоенно сказал Адмет.

Язык все еще отказывался подчиняться, но Аполлон все же смог возразить, что он более чем в порядке. Он откинул влажные волосы со лба и рывком поднял голову со стола, о чем, впрочем, тут же пожалел: в ушах зазвенело. Но все тут же с заметным облегчением вернулись к лекции, и Аполлон, поразмыслив, решил, что этот случай ему только на руку: кожа на запястье все еще хранила отпечаток ноготка взволнованной Дафны. Кажется, эта девушка преисполнилась сочувствия к болезному товарищу по группе... Он удовлетворенно покивал в такт своим мыслям и, едва Гиацинт поставил фильм на паузу и попрощался, хотел сорваться с места и мило поблагодарить Дафну за заботу, прощупать почву, но услышал просьбу преподавателя ненадолго задержаться. Аполлон подошел к нему, слегка склонив голову, чтобы лучше слышать Гиацинта с высоты своего внушительного роста.

– Аполлон. – У него был дружелюбный, заинтересованный взгляд зеленых глаз с золотыми искорками ближе к зрачку.

Хотелось назвать его по имени в ответ. На кончике языка жгло легкое, весеннее слово – название цветка. Ничего удивительного: за легкий характер, приятельское, непокровительственное отношение к студентам и почти юношеское, несмотря на щетину, лицо все называли Гиацинта по имени, но Аполлон не хотел излишне фамильярничать – во всяком случае, с преподавателем лично. «Ты вчера потратил целый вечер, чтобы произвести на него впечатление своими познаниями, – насмешливо напомнил он себе. – Фамильярничать он не хочет, ага».

– Почему вы опоздали на занятие? Раньше такого за вами не наблюдалось.

За доли секунды Аполлон выбрал подходящую ситуации стратегию поведения и попытался быть обезоруживающе искренним.

– Прошу прощения! – выпалил он. – Я вышел поутру на улицу, и там было так холодно и солнечно, и внезапно меня охватила такая ностальгия по прошлому, яркая и сбивающая с ног, что мне захотелось присесть и понаблюдать за пробужденным миром.

Даже в их прогрессивном, божественном университете, где ценилась творческая индивидуальность, многие преподаватели только посмеялись бы над нелепостью его вычурных слов. Многие, но не Гиацинт.

– Понимаю, о чем вы. Созерцание тоже имеет значение. – На лице по-прежнему вежливая полуулыбка, но интерес в его глазах погас, сменившись чуть ли не... скукой? Разочарованием? Этого Аполлон допустить никак не мог.

– Но, конечно, с моей стороны не вполне верно были определены приоритеты, – заторопился он. – Изнурительная, колдовская тяга к знаниям влечет нас по пути, которому нет конца. И он важнее созерцания.

С острым любопытством он всматривался в лицо Гиацинта, стараясь не таращиться совсем открыто, не выглядеть странно и глупо. Его усилия были вознаграждены (или, может, ему хотелось думать, чтобы это было так), во всяком случае, глаза преподавателя снова заблестели.

– Поэтично сказано, у вас хороший слог. Должно быть, пишете?

– Да, стихи, – Аполлон, к своему стыду, широко зевнул, прикрыв рот ладонью.

– Вам бы чашку кофе, – окончательно оттаяв, покачал головой Гиацинт. – Я бы тоже выпил, а то заведение на первом этаже мне уже порядком надоело. Сами знаете, я в вашей альма-матер все еще новичок... Где здесь у вас хорошие напитки? Чур, столовую не предлагать! Посоветуйте что-то более... цивилизованное. И элегантное.

Аполлон предложил «Оракул» – не его литературный кружок, разумеется, а безымянное кафе, которое со временем студенческая молва стала называть так же. В этом месте часто хозяйничал Дионис, уступая его разве что для поэтических вечеров. Сейчас он, вероятно, был на паре и не мог им помешать ни своим взбалмошным поведением, ни буйством и неукротимостью человека, который, к вящей неприязни Аполлона, мог камня на камне не оставить ни от цивилизованности, ни от элегантности¹⁹.

– Как вам сегодняшний фильм? Почерпнули что-нибудь новое?

«Произведи хорошее впечатление», – приказал себе Аполлон.

– Да, довольно... любопытный сценарий. Впрочем, – не удержался он, – я бы не сказал, что там было что-то новое. Для меня тема этого фильма очень естественна.

На улице тлело осеннее утро. Наполненность невыразимой печалью существования – вот как описал бы Аполлон охватившее его ощущение при взгляде на почти пустой внутренний двор.

– Стало быть, понятие искусства всегда было неотделимо от вашей сути? Вот что вы имеете в виду?

– Конечно, – поспешно заверил Аполлон. Возможно, даже поспешнее, чем позволял ему имидж вдумчивого, прилежного студента. Но сегодня этот выстроенный образ летел ко всем чертям, и Аполлона это даже устраивало. – Если спросят, есть ли у меня жизненный девиз, то я без раздумий отвечу: наслаждаться искусством. Жить искусством. Быть искусством.

– Хорошо. Помимо озвученного вами лейтмотива, в фильме звучала еще одна интересная идея: искусство нужно для того, чтобы не умереть от истины, потому что истина слишком ужасна. Эта истина гласит: жизнь не имеет смысла. Вам эта мысль не кажется невыносимой?

– Что ж. – Аполлон пожал плечами. – Один из моих лучших преподавателей как-то сказал: лучшие произведения искусства получаются от невыносимой жизни. Если ты, конечно, выживешь.

Гиацинт снова улыбнулся, и маленькие морщинки появились в уголках его глаз:

– Похвально, что вы внимательно слушаете лекции.

– Да и потом, почему у жизни должна быть великая цель? Разве недостаточно выпить чашечку кофе, любуясь стопкой непрочитанных книг рядом?

– Интересно, как же вы тогда представляете свою смерть?

Аполлон недоуменно нахмурился. Ничего себе вопросы для студента-второкурсника в самом расцвете сил!

– Я бы извинился за бестактность, – не моргнув глазом, продолжил Гиацинт. – Но, думаю, вы прекрасно все понимаете: проблема смысла жизни всегда смыкается с проблемой смерти.

¹⁹ Аполлон и Дионис – боги-противоположности, формирующие дух двух начал древнегреческой культуры. С одной стороны – воплощение умеренности, пропорциональности, искусства, с другой – буйство, естественность, экстатическое мгновение.

Толстой писал: «Нельзя понять смысл жизни без осмысления смерти». Хайдеггер дает онтологическую характеристику человеческого бытия: «Жизнь – есть бытие, направленное к смерти».

Аполлон почувствовал, как запылали щеки. «Он правда думает, что мне нужно объяснять такие банальные вещи? Философия была у меня еще на первом курсе. Высший балл! У единственного на потоке!» О том, что он, с его очаровательным взглядом и идеальным телом, просто пришелся по душе уже немолодой преподавательнице, Аполлон старался не думать.

– Если вы спрашиваете, к какому уровню похорон я стремлюсь, то могу напомнить, что в день смерти Виктора Гюго перестали работать все бордели Парижа. Потому что жрицы любви провожали в последний путь своего страстного друга, обвязав пояса черными платками. – Это было почти дерзостью! В конце концов, Аполлон прекрасно понял, что его спрашивали совсем о другом, но останавливаться он не собирался: – Еще завещаю на моих похоронах устроить строгий фейс-контроль, и под «Реквием» Моцарта раздать старшие арканы Таро между гостями, чтобы вычислить, кто вытянет «смерть» и будет следующим.

– Гадаете? – Гиацинт невозмутимо открыл дверь кафе, заходя внутрь.

В раскладах Аполлон разбирался превосходно, но кивнул с осторожностью: неизвестно, как на это отреагирует преподаватель. Очень многие люди настроены скептически по отношению к предсказаниям. Но Гиацинту, кажется, было плевать, и это странным образом задевало Аполлона.

– По правде сказать, не думал, что здесь настолько... мало посетителей, – преподаватель окинул недоуменным взглядом пустое помещение.

– Все на парах. А те, у кого перерыв, предпочитают быстро позавтракать в местах, где меню побогаче. – Аполлон подошел к кофемашине. – Но не беспокойтесь, этой штукой управлять проще простого.

И он напряженно уставился на металлический агрегат, стараясь понять, как его включить. Почесал затылок. Посмотрел сверху, снизу, сбоку.

– Кнопка с правой стороны, – подсказал Гиацинт, не без любопытства наблюдающий за этой пантомимой.

Вспыхнув, Аполлон все-таки справился с задачей и сел напротив преподавателя, невольно уставившись на его небольшие, белые руки интеллигента с длинными пальцами.

– Мне нравится ход ваших мыслей. – Пальцы постучали по столешнице. – Но я про нечто более... вечное. Вот вы упомянули, что пишете стихи.

– Верно. – Аполлон заставил себя оторвать взгляд от кисти.

– И вам, конечно, уже приходило в голову честолюбивое желание жить так, чтобы с вашей смертью умерло целое литературное направление.

– Да, интересная мысль, – сдержанно ответил Аполлон, стараясь не показывать, насколько эта идея грела его самолюбие. – Но я не уверен, что уже нашел свой литературный стиль.

– Чтобы найти его, просто потребляйте искусство. Ваша душа находится среди живописи и песен, романов и стихотворений, историй и статуй, фильмов, архитектуры, театра и тысячи иных важных вещей. Вы обязательно найдете себя.

– Я ищу, правда. Я близок! Да вся моя жизнь занята мыслями об искусстве! – На самом деле Аполлон лукавил: у него было много других интересов, но искусство он любил всем сердцем. А еще он любил красоваться перед слушателями. И восхищался пытливостью Гиацинта, его умом и живым интересом к своему делу. Гестия бы непременно сказала, что Аполлон видит в нем ролевую модель – и была бы права.

– Я справедливо считаю эту сферу жизни наиважнейшей. У искусства всегда есть эмоции, оно может вопрошать, подталкивать, приманивать. Может все что угодно. Оно исцеляет, убивает, спасает, вдохновляет. Всегда завораживает. И еще... Я его уважаю. Есть люди, которые вроде любят, но не уважают, не стараются понять – так вот, это точно не про меня. Взять,

например, натюрморты предыдущих столетий. Там есть красивая, понятная картинка. Обывателю... – Он презрительно покрутил головой, ох эти чертовы обыватели, что они вообще могут смыслить в жизни? – Обывателю этого хватает. Ну а что? Далеко за смыслом ходить не надо, нарисовано ярко и почти как в жизни, это же и есть мастерство живописи, да? Посмотрел и пошел, не понимая ни композицию, ни сюжет. Не прилагая усилий. А еще хуже, когда обыватель видит что-то не вписывающееся в этот шаблон, что нельзя разглядеть из маленькой узенькой коробочки, в которую человек загоняет мышление. И тогда обыватель говорит: «Ну и в чем здесь смысл? Да я тоже так могу!» Но он не понимает, как работает искусство. Любое искусство вступает с нами в диалог, и не его вина, если люди капризно ждут, что им будет все понятно...

Оседлав любимого конька, Аполлон мог говорить часами. Его глаза возбужденно блестели, руки нервно теребили край водолазки.

– Наш кофе готов, – мягко прервал его Гиацинт.

Аполлон быстро вскочил на ноги и взял чашки, переставив их на столик. Улучив минутку, когда преподаватель отвернулся, он отпил из первой попавшейся бутылки, одной из многих, хаотично расставленных на полках, видимо, руками Диониса. «Совсем чуть-чуть, для храбрости», – успокоил себя Аполлон, хотя и стыдился в этом признаться. Чтоб он пасовал перед каким-то вчерашним аспирантом в дешевом клетчатом костюме? Еще и употреблял алкоголь накануне тренировки. Немыслимо!

Когда Гиацинт сделал глоток, его глаза закрылись на секунду от удовольствия, словно в этот момент он был ненадолго украден другим миром.

– Мне нравится, – признался он, и его голос стал на тон ниже, будто преподаватель делился постыдным секретом. – Что мне еще нравится, так это ваши размышления. Видно, что предмет вам близок. Вы им даже одержимы. Насколько полезна такая одержимость в долгосрочной перспективе – это уже вопрос едва ли не для отдельной диссертации, но на данном этапе это похвальная увлеченность.

– Я бы хотел сделать небольшую презентацию по теме образа смерти в литературе. То, о чем мы с вами говорили...

– В следующий раз у нас тестирование. Но, возможно, к пятнадцатому числу. Подумайте над тем, чтобы сузить тему, хорошо?

Аполлон с готовностью кивнул.

– И напомните, чтобы я отдал вам одну прелюбопытную книгу... У вас ведь, кажется, завтра выходной?

– Не совсем. Завтра у меня тренировка.

– Точно. Помню, видел вас прошлым воскресеньем. Сомневался, что это вы, потому и не поздоровался. С трудом вас узнал.

«Вы были не обязаны здороваться», – подумал Аполлон. Но вежливость Гиацинта распространялась на всех студентов без исключения.

– А я вас просто не видел, так узнал бы и с закрытыми глазами, – ляпнул он. Это была глупость, но глупость, хорошо вписавшаяся в это странное утро. Удивительно, но Гиацинт, казалось, слегка смутился, и Аполлон ощутил от этого приятное волнение, будто готовился развернуть подарок в день рождения. «Что ж, Гиацинту предстоит как-то смириться с тем, что я считаю его самым занятым и образованным человеком в этом универе», – мысленно хохотнул он, сделав вид, что увлеченно рассматривает трещинку на чашке.

Но Гиацинт не реагировал так долго, что Аполлону стало ясно: смириться он не собирался.

– Все-таки на тренировках лучше глаза не закрывайте. – Мягкий, участливый голос.

Аполлон откинулся на спинку стула, глядя в чашку так, будто она нанесла ему личное оскорбление. Он искренне мнил себя неглупым человеком и достаточно хорошо проанализи-

ровал свой же характер, чтобы понять: невозможность заполучить желаемое влияет на него пагубно. Он привык добиваться целей. Любой ценой, если потребуется. И слова Гиацинта задели его сильнее, чем должны были. Но Аполлон постарался не давать волю эмоциям. Он изобразил вежливую улыбку и уточнил: «Могу я предложить вам еще одну чашечку кофе?», надеясь, что в его голубых глазах не читалось: «Я сожгу все, что тебе дорого, сяду и буду ждать, когда ты все-таки восхитишься моими знаниями».

– Не откажусь. Эх, плакало мое давление, от двух-то чашек подряд...

«Да пошло оно, твое давление».

Взгляд Аполлона привлекло золотое свечение в углу. Солнце? Откуда там солнце? Он крепко зажмурился, снова открыл глаза, поморгал, стараясь сфокусировать зрение, не рискуя подойти ближе. Он всматривался так долго, что начала кружиться голова, и в золотом свечении ему начали мерещиться тени, которые колыхались, переплетались, росли и подозрительно напоминали живых людей. Людей с... нарушением координации? Аполлон отчаянно не хотел приглядываться, но даже со своего места ясно мог разглядеть наросты на их телах, опухшие, покрасневшие лица с отсутствующим выражением и кровавой пенистой мокротой на губах. Он готов был поклясться, что даже видел гной желто-зеленого цвета²⁰.

– Воды! – застонал чей-то голос, сначала вдалеке, затем все ближе и ближе.

«Я не могу вам помочь».

Аполлон оцепенел.

«Я не могу вам помочь, потому что я делаю это с вами».

Пальцы сжались в кулаки. Хотелось стать меньше, исчезнуть.

«Что за чушь? Откуда эти мысли? Что происходит?»

Остатки рационального в нем твердили, что увиденное, должно быть, мираж, галлюцинация – но этот голос становился все слабее под натиском нахлынувшего ужаса.

– Как это возможно? – пролепетал он, заикаясь.

– Что именно? – Невозмутимый Гиацинт выдернул его из личного ада, в который он провалился на мгновение.

Их взгляды встретились на уровне чуть выше его кофейной чашки.

Аполлона трясло.

– Вы что... – Голос скрипучий, как плохо смазанные качели. – Вы ничего не видите?

Нахмурившись, Гиацинт огляделся.

– Нет. Что я должен увидеть?

Аполлону было больно дышать.

– Что с вами? – Гиацинт недоуменно всматривался в его лицо. – Вы побледнели. Может, вам нужно в медпункт?

– Нет, все хорошо, – прошептал он, все еще холодея от ужаса. Зашелся в кашле.

– Врете.

«Соберись, – приказал он себе. – Ну же, соберись, он решит, что ты чокнутый!»

– Я немного в раздрае, знаете, – пробормотал Аполлон. – Новые предметы, нагрузки больше, я просто устал... Вот и все.

Преодолевая отвращение, он снова взглянул в угол, заранее готовясь бежать прочь, и плевать, что подумает Гиацинт, он найдет оправдание...

Ничего.

«Может, я схожу с ума?» Пальцы мелко дрожали, но сердце потихоньку замедлялось, возвращаясь к привычному ритму.

²⁰ Описываются симптомы чумы. Аполлон был не только богом солнца, покровителем искусства и красоты, предсказателем будущего, исцелителем, но еще и богом-карателем, насылающим эпидемии.

– Вероятно, выгорание? Я сам это испытал, – сказал Гиацинт, добавляя три ложки сахара. Аполлон машинально подметил это. Постарался запомнить. Мало ли, пригодится? Людям нравится, когда запоминают их любимые мелочи. – Иной раз хочется просто бросить все, – продолжал преподаватель, понизив голос. – Лечь дома в постель и ни о чем не слышать. Но, конечно, глупее этого ничего быть не может, да и в постели тебе все равно не будет покоя. Вижу, вам сейчас нелегко. Это логично, вы ведь так молоды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.